



Олег Валентинович Суворов

Красотки кабаре

Сканирование, вычитка Чернов Сергей: chernov@orel.ru chernov@orel.ru
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139906
О.Суворов Красотки кабаре: Роман-газета # 5; Москва; 2004

Аннотация

Действие романа происходит в Вене за месяц до начала Первой мировой войны. Австрийский лейтенант, венгерская певица и русский литератор оказываются втянутыми в подлинную детективную историю, связанную с начальником контрразведки австрийской армии, оказавшимся русским шпионом.

Любовная интрига, философские искания, шпионские страсти, трагикомические приключения составляют основу сюжета романа.

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	28
Глава 4	49
Глава 5	59
Глава 6	75
Глава 7	89
Глава 8	104
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Олег Суворов

Красотки кабаре

Часть I

Венгерский чардаш

Итак, мы констатируем новый социальный факт: европейская история впервые оказывается в руках заурядного человека как такового и зависит от его решений... Заурядный человек, до сих пор всегда руководимый другими, решил сам управлять миром.

Хосе Ортега-и-Гассет «Восстание масс»

Глава 1

Эпоха неврозов

16 мая 1914 года венский «Иоганн Штраус-театр» был взбудоражен необычным происшествием. В тот вечер давали очередное представление первой оперетты Имре Кальмана «Осенние маневры». Большинство венской публики уже знало, что знаменитый маэстро, уединившись в Мариенбаде со своими либреттистами, сочиняет новую оперетту, однако и

предыдущие творения гениального «короля чардаша», имевшего внешность провинциального венгерского свиноголовца, продолжали пользоваться определенной популярностью. В немалой степени это объяснялось присутствием на сцене восхитительной венгерской примадонны Жужи Форкаи.

О, что это было за зрелище, когда фрейлейн Форкаи, одетая в кивер, гусарский ментик, короткую юбку и изящные лакированные сапожки с золотыми кисточками на голенищах, исполняла коронную арию, кокетливо уперев руки в бока и ловко притопывая своими несравненно стройными ножками! От этого поистине дьявольского соблазна у большинства из набившихся в зале офицеров австрийской армии, которые жадно впивали вид стройных прелестей примадонны через стекла дрожавших в руках биноклей, кружились головы и свирепело мужское вожделение. Кто из них не мечтал услышать голос бесподобной Жужи – сочное, чуть хрипловатое контральто, произносящее «О, mein geliebt!»¹, но не со сцены, а из алькова?

Кстати, один из таких счастливцев сидел в первом ряду партера, и именно на него фрейлейн Форкаи время от времени бросала злобные взгляды. Светское общество, как, впрочем, и любое другое, члены которого располагают свободным временем, не может жить без сплетен, поэтому большая часть публики была хорошо наслышана о бурном романе венгерской примадонны и гусарского ротмистра князя

¹ О, мой любимый! (нем.)

Штритроттера. И вот сегодня красавец князь, словно назло своей бывшей возлюбленной, посмел явиться на спектакль в обществе невесты – очаровательной немки, графини Хаммерсфильд!

Кому были интересны надуманные и легковесные коллизии оперетты, когда перед глазами разыгрывалась настоящая драма! Еще в первом акте, когда во время выходной арии Жужа впервые заметила своего коварного возлюбленного, у нее на мгновение сорвался голос, после чего в зале возникла напряженная тишина. Все ожидали чего-то ужасного или необычного, о чем будет так приятно рассказывать в светских салонах уверенным тоном очевидца. Один из газетчиков даже привстал со своего места, готовясь бежать в редакцию и уже заранее радуясь своей удаче. Однако в тот раз все обошлось – усилием воли примадонна взяла себя в руки и продолжала петь. Но с этого момента в театре воцарилась предгрозовая атмосфера, и, даже несмотря на то что второй акт прошел достаточно заурядно, все с нетерпением ждали финала.

Князь Штритроттер, чувствуя на себе взгляды всего зала, вел себя с обычной надменностью: подчеркнуто ухаживал за своей невестой и довольно равнодушно поглядывал на сцену. А фрейлейн Форкай в тот вечер была необыкновенно хороша собой – смуглая кожа, гневный румянец, огненные глаза, упоительно-сочные губы и длинные, разметанные, черные как смоль волосы. Муки ревности придавали ей осо-

бую привлекательность, и не один офицер облизывал пересохшие губы при мысли о том, как было бы чудно заняться утешением этой брошенной красавицы.

Незадолго до конца третьего акта, после исполнения бурного венгерского чардаша, примадонна приблизилась к краю сцены и вдруг замерла, не сводя напряженного взгляда со своего бывшего возлюбленного. Она не раскланивалась, не улыбалась, а, тяжело дыша, просто стояла и смотрела на Штритроттера, в то время как зал аплодировал, а наиболее восторженные поклонники, встав со своих мест, кричали «браво»... Сам князь пытался делать вид, что ничего не замечает. Натянута улыбаясь, он наклонился к маленькому ушку графини, которая глядела на свою несчастную соперницу с выражением торжествующей ненависти.

Никто не понял, откуда в руке у фрейлейн Форкаи оказался маленький дамский браунинг, никто не услышал негромких хлопков, раздавшихся со сцены, но все замерли, увидев искажившееся лицо примадонны, стрелявшей в князя и его спутницу.

Мгновение тишины – и взрыв отчаянных криков, заглушивших звуки оркестра, начавшего играть вступление к следующей арии. Графиня Хаммерсфильд успела вскочить со своего места, но, тут же потеряв сознание, упала в проходе. Князь продолжал сидеть в кресле – только голова его откинулась назад, а в самом центре прилизанного виска быстро расплывалось маленькое кровавое пятно...

– Убит выстрелом в висок! А ведь она стреляла навскидку, почти не целясь, да еще не успев отдышаться после чардаша! Жужа выпустила три пули в графиню и лишь одну в Штрироттера – и что же? Невеста цела и невредима, а князь даже не успел понять, что случилось. Вот и говорите мне после этого, что никакой судьбы не существует. Нет, господа, каждому из нас суждена своя пуля, а потому даже человек, впервые взявший в руки пистолет, способен ухлопать на дуэли лучшего стрелка Вены.

– Мне кажется, капитан, что вы преувеличиваете роль случая. Во всяком случае, я бы предпочел стреляться с человеком, впервые увидевшим пистолет перед дуэлью, чем с лучшим стрелком Вены. Да и вы, при всей вашей храбрости, наверняка сделали бы подобный выбор...

– Кстати, а кто знает, что произошло дальше с нашей очаровательной Жужей? Бедняжка арестована?

– Да, и я сам видел, как ее увозили жандармы. Говорят, что она была совершенно невменяема и начала заговариваться. По слухам, ее согласился осмотреть знаменитый доктор Фрейд. Увы, господа, мы живем в эпоху неврозов...

Убийство в театре практически не повлияло на обычное времяпрепровождение офицеров лейб-гвардии гусарского полка имени императрицы Марии Терезии. Спустя час по-

сле происшествия они уже собрались в банкетном зале своего излюбленного кафе «У Густава» и теперь бурно обменивались впечатлениями. Естественно, что при этом лихо сносились золотистые головы многочисленных бутылок токайского и шампанского, а дым от сигар окутывал помещение, словно пороховой дым – обороняющийся редут. Князя Штритроттера в полку не любили – он был глуп и высокомерен, но при этом пользовался известным успехом у дам, и именно последнее обстоятельство вызывало максимальную неприязнь сослуживцев. Поэтому главным предметом обсуждения была судьба блистательной и несчастной Жужи Форкаи.

– Кстати, о Фрейде, – заметил юный корнет Хартвиг, большой знаток всех венских анекдотов. – Вы слышали, господа, какой замечательный случай произошел недавно в среде наших ученых венских психиатров?

– Рассказывайте, корнет, разумеется, что, кроме вас, об этом еще никто не знает, – усмехнулся майор Шмидт.

– В таком случае прошу внимания. Итак, доктор Брейер лечил молодую и весьма интересную особу по имени Анна. Я не силен в медицине, но говорят, что эта двадцатилетняя дама, которая, кстати, является супругой директора «Иоганн Штраус-театра», хотя по возрасту годится ему в дочери, страдала от различных нарушений истерической природы, наподобие нарушения зрения, слуха и речи, судорог, нервного кашля, ну, и чего-то там еще. Доктор Брейер навещался к ней каждый вечер и, вводя в гипнотическое состо-

ание, заставлял рассказывать свои галлюцинации. Однажды все болезненные симптомы полностью исчезли, и доктор решил, что его лечение возымело успех. И вдруг его срочно вызывают к той же больной. Войдя в дом, он застал Анну в ужасном состоянии – она была невменяема и, лежа в постели, корчилась от спазмов в области живота. Муж и вся домашняя челядь суетились вокруг, не зная, что делать. Брейер наклоняется к больной, которая его не узнает, и ласково интересуется, что с ней такое творится...

Корнет выдержал эффектную паузу, а затем ехидно добавил, мастерски симитировав женский голос:

– «Это рождается ребенок от доктора Брейера», – отвечала она. А теперь представьте себе положение самого доктора, почтенного отца семейства, который выслушал подобное признание, находясь в обществе ее мужа! Беднягу Брейера обуял ужас, и он предпочел спастись бегством. Тем не менее на следующий день, когда Анна оправилась и пришла в сознание, за ним снова послали. Однако Брейер отказался прийти на вызов. Вместо этого он передал свою пациентку доктору Фрейду и даже выписал направление. А знаете ли, какие методы лечения рекомендовал уважаемый доктор Брейер в направлении, написанном по-латыни?

– Какие же? – спросил кто-то из офицеров.

И Хартвиг, дожидавшийся этого вопроса, тут же ответил:

– А такие, что любой из нас мог бы выступить в качестве лечебного средства. «Повторяющиеся дозы нормального пе-

ниса»!

Грянул такой хохот, что даже висевшая на стене картина, изображавшая нарядную публику, гуляющую в венском парке Пратер, слегка покосилась.

Но Хартвиг не унимался. Дождавшись, когда станет чуть тише, он взмахнул рукой и добавил:

– Но и это еще не все, господа. Самое пикантное в этой истории состоит в том, что муж бедной больной оказался импотентом, чего доктор Брейер, разумеется, не знал...

Теперь это уже был даже не хохот, а стон. Майор Шмидт, не в состоянии вымолвить ни слова, ожесточенно мотал головой, смахивая слезы и хлопая по плечу корнета, а остальные офицеры, проливая на себя шампанское, извивались в креслах и на диванах. Не смеялся лишь один лейтенант – бледный, красивый и аккуратный, – который до этого времени спокойно сидел в углу. Всеобщее веселье заставило его очнуться от задумчивости, и теперь он недоуменно обводил взглядом изнемогавших от смеха товарищей.

– О чем задумались, Фихтер?

Лейтенант растерянно пожал плечами, но, видя, что все ожидают его ответа, неуверенно пробормотал, словно бы размышляя вслух:

– Интересно, кем теперь заменят фрейлейн Форкай?

Глава 2

Мазохизм и психология толпы

«Дело поэзии – ставить вопросы, дело прозы – отвечать на них... Точность выбора и попадания – вот отличительный признак любого талантливого произведения, точность выбора эпизодов, интонаций, характеров...

Высший критерий удачности стихотворения или прозаического эпизода – его узнаваемость, простота и естественность. Кажется, что мы не сочинили все это, а просто списали откуда-то, где оно уже существовало в готовом виде... Поэтому великие произведения искусства рождаются, посредственные – вымучиваются и конструируются...

Писатели в чем-то сродни куртизанкам и артистам: то, что для потребителей их искусства является развлечением, для них самих – тяжелый труд...»

Дописав эту фразу до конца, двадцатипятилетний петербургский литератор Сергей Николаевич Вульф, повинувшись старой привычке помечать все свои заметки, поставил дату: «18 мая 1914 года», после чего отложил перо и задумался. Миновал ровно год с того момента, как он покинул Россию. Все это время он путешествовал в поисках впечатлений и «вдохновений»: сначала по Востоку – Персия, Турция, Египет, потом по Европе – Греция, Италия и Франция. И вот теперь, наконец, оказался в Вене, где и жил уже второй ме-

сяц, снимая номер в гостинице «Курфюрст» на Рингштрассе и приводя в порядок свои путевые заметки и размышления.

Большую часть времени Вульф проводил в знаменитых венских кафе, читая свежие газеты и внимательно прислушиваясь к разговорам посетителей. Эти своеобразные кафе были отличительной чертой старой Вены, центрами ее интеллектуальной жизни, где можно было проводить время с утра до вечера. Постоянные посетители получали здесь почту, писали письма, играли в карты или без конца спорили. А спорить было о чем, ибо каждое приличное кафе выписывало не только венские, но и немецкие, английские, французские, итальянские и американские газеты, не говоря уже о крупнейших литературно-художественных журналах мира, таких, как «Меркюр де Франс», «Нойе рундшау», «Студио» или «Берлингтон-мэгэзин».

Новости мира, скандалы, премьеры, аннотации – все это немедленно становилось предметом самого заинтересованного обсуждения. Из споров и разговоров посетителей кафе сторонний наблюдатель, которым и являлся Вульф, мог извлечь для себя немало любопытного. Старинная, семисотлетняя империя Габсбургов, самая внушительная империя Европы, располагавшаяся в самом ее центре и объединявшая в своих границах представителей двенадцати основных национальностей, мучилась обострением очень злобной болезни – национального вопроса. Это было неудивительно, поскольку почти половину населения Австро-Вен-

герской империи составляли славяне. Постоянные конфликты между представителями различных национальных партий нередко блокировали работу австрийского парламента, заседавшего в одном из великолепных венских дворцов. Впрочем, эти конфликты еще не отличались злобой или бескомпромиссным желанием уничтожить противника, а сами партийные деятели, гневно обличая друг друга в стенах парламента, затем переходили на «ты» и вместе отправлялись в те же кафе, чтобы выпить светлого австрийского пива.

В своем нынешнем виде Австро-Венгерская империя была создана в 1867 году, когда императору Францу Иосифу I удалось добиться союза Австрийской империи и Венгерского королевства. Поскольку граница между Австрией и Венгрией проходила по реке Литава, австрийская часть империи называлась Цислейтания, венгерская – Транслейтания. Самый старый монарх Европы император Франц Иосиф I взошел на престол еще в далеком 1848 году, когда ему было всего 18 лет, и теперь, спустя 65 лет, казался вечным. Програв все войны, которые его империя вела против России, Франции и Италии, он тем не менее пользовался определенным уважением среди пестрого населения своей огромной империи. Правда, образованная элита шутила, что за всю свою жизнь император не прочитал ни одной книги, кроме армейского устава, но вряд ли кого из жителей империи оставила равнодушным знаменитая майерлингская трагедия единственного сына Франца Иосифа – кронпринца Рудоль-

фа: тот сначала застрелил свою любовницу, на которой ему не позволили жениться, а затем застрелился сам. В отличие от не приветливого и необаятельного эрцгерцога Франца Фердинанда, ставшего наследником престола, кронпринц Рудольф пользовался всеобщей симпатией, поэтому взглянуть на его гроб явились тысячи взволнованных людей, выражавших самое искреннее сочувствие старому императору.

Возможно, что самой большой ошибкой Франца Иосифа и его министров стали испорченные в последние годы отношения с Российской империей. Причиной этого стал боснийский кризис 1908 года, когда Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины раньше, чем Россия смогла добиться от Турции свободного прохода своих военных судов через Босфор и Дарданеллы. А ведь русский министр иностранных дел Извольский и его австрийский коллега граф Эрентальский заключили негласную договоренность о том, что это должно было произойти одновременно. Однако империя Габсбургов понадеялась на помощь Германии и пренебрегла интересами России. Теперь той ничего не оставалось делать, как поддерживать Сербию, чьи националисты открыто бесновались по поводу аннексии Боснии и Герцеговины, где прозябало многочисленное сербское население. При этом король Сербии Александр не мог, да и не пытался, обуздать подпольную националистическую организацию «Черная рука», которую возглавлял полковник сербской военной разведки Драгутин Димитриевич. В итоге всех

этих событий Австро-Венгрия приобрела роковую столицу Боснии, название которой вскоре станет известно всему миру, – Сараево...

Вульф внимательно следил за политикой, но при этом не забывал и о главной цели своей венской жизни – он посещал лекции профессора Фрейда, пытаясь постичь премудрости психоанализа, в котором видел один из интереснейших методов творчества, опирающийся на глубины человеческого бессознательного. Недавно, на одной из этих лекций, он познакомился с весьма любопытным человеком – подданным Британской империи сэром Льюисом Сильверстоуном. Этот потомственный, хотя и обедневший аристократ был одним из немногих лондонских психиатров, практикующих методы психоанализа. Назавтра у них была назначена встреча – англичанин пригласил Вульфа к себе на дружеский обед.

Закончив свои заметки, Сергей закрыл дневник и встал с кресла. Поздний вечер, когда вся Вена уже давно развлекается в театрах, танцевальных залах или кафе... Куда же податься ему?

Задумавшись, он прохаживался по комнате, случайно приблизился к двери и вдруг замер, услышав в коридоре чьи-то шаги, сопровождаемые легким шелестом женского платья. Судя по тому, что незнакомка сновала от одной двери к другой, словно что-то искала, это была явно не горничная. Заблудившаяся возлюбленная какого-нибудь богатого венского студента?

Вульф пожал плечами и уже хотел было отойти в глубь комнаты, как вдруг шорох стих, и через мгновение в дверь постучали. Стук был не слишком уверенным, словно незнакомка боялась ошибиться, и эта неуверенность таинственным образом передалась Вульфу. Он нерешительно приблизился к двери и, чувствуя какое-то странное, исходившее из неизведанных глубин души волнение, медленно повернул ручку.

Перед ним стояла молодая, не старше двадцати лет, элегантно одетая дама в темно-синем бархатном платье, отделанном вышивкой из серебряного бисера. Первое, что поразило Вульфа, – это ее огромные загадочные глаза. Шляпки не было, зато прическа отличалась поразительным изяществом – гладкая, на прямой пробор, с низко опущенными на щеки слегка волнистыми темными волосами и тяжелившим затылок узлом из кос.

Последнее время, под влиянием таких модернистских писателей, как Гамсун, Метерлинк или Стриндберг, которые наделяли женщин таинственностью, капризностью и склонностью к мистике, в моду вошел особый макияж, создававший впечатление огромных глаз, окруженных тенями, «интересной» бледности и общей томности выражения. Но глаза стоявшей перед ним женщины не нуждались в каких-то искусственных ухищрениях, поскольку их переполняла целая гамма противоречивых чувств, среди которых были озорство, надежда и робость.

Вульф мнил себя поэтом, а потому, как правило, относился к женщинам с излишней восторженностью. Но в данном случае при виде этой элегантно красивой ему на ум подвернулось то словцо, которое было бы более уместно в устах кавалерийского офицера, – порода. Богатое воображение Вульфа мгновенно дорисовало картину – дама из высшего света попала в пикантную ситуацию, и теперь ей нужна его рыцарская помощь. Ее появление в столь поздний час в полутемном коридоре гостиницы обещало какую-то пленительную тайну, какое-то восхитительно-романтическое приключение, способное вдохновить на множество самых изысканных стансов.

– Добрый вечер, – неуверенно произнес Вульф, так и не дождавшись, пока дама заговорит первой. Сначала он хотел было добавить: «Вы, видимо, ошиблись», но, испугавшись спугнуть приключение, вовремя прикусил язык.

– Здравствуйте. – Это низкое сочное контральто как нельзя лучше соответствовало ярко очерченной красоте незнакомки, похожей на одну из небесных гурий, воспеваемых восточными поэтами. – Простите за беспокойство... Мы незнакомы, но однажды я видела вас в холле гостиницы... Мне неловко вас утруждать, но... – Дама говорила по-немецки с легким акцентом.

– Что вам угодно? – Вульф еще не договорил эту фразу до конца, как уже сообразил, насколько нелепо и сухо она прозвучала.

Смущенная дама тоже это почувствовала, поскольку вдруг резко качнула головой.

– Нет, ничего, простите...

Она сделала несколько шагов по коридору, но Вульф догнал ее и остановил.

– Вы хотели о чем-то меня попросить? Так говорите же, я целиком к вашим услугам!

И тут ее взгляд вдруг блеснул озорством, а неожиданный вопрос поставил Вульфа в тупик:

– Вы не боитесь авантюры?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, вы согласны сделать то, о чем я вас попрошу, и при этом ничему не удивляться и ни о чем не расспрашивать?

– Согласен. – Иного ответа и быть не могло, поскольку интрига уже завязалась и теперь, кроме красоты незнакомки, Вульфом двигало врожденное стремление доводить любое дело до конца.

– В таком случае идемте.

Это было сказано таким решительным тоном, что Вульф, забыв запереть дверь своего номера или хотя бы надеть пиджак, послушно последовал за дамой. Они быстро прошли весь коридор, свернули за угол и вскоре, так никого и не встретив по пути, оказались в другом крыле здания.

Незнакомка остановилась перед дверью с номером 327 и оглянулась на Вульфа.

– Итак, вы не будете удивляться и считать меня сумасшед-

шей?

– Нет, – решительно пообещал он.

– И сделаете все, что я вам скажу?

– Разумеется.

– Входите. – И дама решительно распахнула дверь, пропуская Вульфа в комнату.

Обещание «ничему не удивляться» не помогло. Впрочем, неизвестно, кто оказался удивлен больше – находившийся в комнате человек или сам Вульф. Дело в том, что этот толстяк – низкорослый и лысый, с мохнатой грудью и кривыми ногами – был абсолютно голым и при этом стоял лицом к распахнутой постели, прикованный к двум витым деревянным столбикам, поддерживавшим полог.

Услышав звук открываемой двери, он повернул голову, дернул обе руки, скованные цепями, и хрипло спросил о чем-то даму, которая вошла в комнату вслед за Вульфом. Она быстро ответила – Вульф не знал языка, но понял, что это был венгерский, – после чего схватила с постели длинный хлыст и протянула его изумленному русскому.

– Берите.

– Зачем? – поинтересовался Вульф, машинально взяв хлыст.

– Она сумасшедшая, сударь, не слушайте эту психопатку. – Голый толстяк перешел на немецкий, отчаянно дергая громыхавшими цепями и пытаясь освободиться.

– Молчать! – холодно и резко приказала женщина. – А

вы постарайтесь доставить этой жирной скотине как можно больше удовольствия. – И она, мстительно сузив глаза, резко взмахнула рукой, словно показывая Вульффу, что он должен делать.

– Не слушайте ее, – снова заверещал толстяк, – и, черт подери, избавьте же меня от этих цепей! Я – Ласло Фальва, импресарио будапештского театра «Вигсинхаз», и вы не посмеете меня тронуть!

– Заткнись, старый и мерзкий извращенец, – таким странным тоном произнесла дама, что толстяк испуганно осекся. – Ты ничтожество, недостойное быть собакой самой последней хористки! А вы приступайте, – вновь потребовала она от Вульфа, топнув ногой в лакированной туфельке. – Вы же обещали, что будете меня слушаться!

Сергей растерянно сжимал хлыст, не зная, на что решиться. С одной стороны, в этой сцене было немало комического, с другой – оба главных действующих персонажа вели себя абсолютно серьезно, словно слишком увлеклись какой-то нелепой игрой, в которую теперь пытались вовлечь и его. Впрочем, что это за игра, догадаться было несложно...

– Вы будете бить или нет? – прикрикнула на него дама.

Вульф оглянулся на нее и, не в силах противостоять властному взгляду этих прекрасных глаз, неуверенно поднял хлыст. Несколько мгновений он тупо рассматривал голый свинообразный зад герра Фальвы, чувствуя, что его начинает душить истерический хохот, который, впрочем, быст-

ро сменился приступом ярости. Какую идиотскую роль ему навязывают!

– Ну что же вы! – нетерпеливо притопнула незнакомка.

И тогда Вульф вдруг переломил хлыст о колено.

– Какого дьявола! Если вам вздумалось разыграть сцену из романа Захер-Мазоха «Венера в мехах», то я не желаю быть вашим статистом! – запальчиво заявил он, но тут же подумал: «А почему, собственно, не желаю? Ведь в том романе героиня убегает именно с тем, кто выпорол ее любовника...»

– Ну тогда хоть дайте ему хорошего пинка! – неожиданно меняя тон, умоляюще попросила незнакомка.

– Я не могу бить незащищенных людей, – хмуро отвечал Вульф.

Дама гневно блеснула глазами, яростно стиснула руки, а затем произнесла по-венгерски короткую, но очень энергичную фразу, которую понял только Фальва, поскольку грустно поник головой. Через мгновение она схватила свою шляпку и направилась к выходу. Вульф бросился за ней, но его остановили два прозвучавших почти одновременно возгласа.

– Не смейте за мной ходить! – выкрикнула незнакомка.

– Не оставляйте меня одного! – умоляюще пролепетал толстяк.

– И что же вы сделали? – невозмутимо поинтересовался сэр Сильверстоун на следующий день, когда Вульф рассказал ему эту историю за обедом.

– Освободил этого жирного негодяя от цепей, а потом долго выслушивал его благодарности, – досадливо поморщившись, ответил Вульф.

– А вам бы хотелось познакомиться с его дамой? – вскользь заметил проницательный англичанин. Худой, высокий, смуглый и русоволосый, он не соответствовал традиционному типу британца, однако изысканные манеры, внимательно-вежливый взгляд и безукоризненное произношение выдавали в нем прирожденного лорда. Разговор, по предложению сэра Сильверстоуна, велся по-французски, поскольку Вульф плохо знал английский, а от немецкого, по его собственному признанию, «слегка устал».

– Конечно, тем более что она была так хороша собой! – откровенно признался Сергей.

– И вы не знаете, как ее найти?

– Не знаю, а спрашивать этого Фальву, как вы сами понимаете, мне было неудобно...

– Понимаю. В таком случае сходите в театр.

– В театр? – изумился Вульф. – Но зачем?

Собеседники уже успели покончить с превосходным обе-

дом, состоявшим из салата, омаров, жирного каплуна и пудинга в роме, и теперь, перейдя в гостиную, наслаждались трансильванским ликером и гаванскими сигарами.

– Неужели вы не слышали о происшествии в «Иоганн Штраус-театре»?

– А, вы имеете в виду историю фрейлейн Форкаи и князя Штритроттера? – Вульф регулярно читал венские газеты и, разумеется, не мог не знать об этом сенсационном убийстве.

– Совершенно верно. Если ваша незнакомка имеет какое-то отношение к театральному миру, а, судя по ее любовнику, это действительно так, то она обязательно объявится там, тем более что на следующий спектакль в этом театре соберется вся Вена. Толпа не может жить без скандалов – это ее главное развлечение. И если уж не удалось стать очевидцем, то надо обязательно побывать на месте знаменитого скандала, чтобы внушить себе чувство причастности к случившемуся. Так что мой вам совет – завтра же отправляйтесь в театр.

Сквозь легкое и ароматное облачко сигарного дыма англичанин смотрел на своего русского собеседника с доброжелательной иронией.

Вульф кивнул, всем своим видом показывая, что принял этот совет к сведению, после чего они сменили тему разговора, перейдя на политику и психологию. Сильверстоун развивал мысль о том, что недавно наступивший XX век станет веком толпы, а потому психоанализ должен не ограни-

чиваться глубинами индивидуального человеческого «Я», а изучать психологию масс.

– Тем более, что, находясь в толпе, человек утрачивает свое «Я», его сознательная личность просто исчезает, растворяется, а с нею исчезает и способность к самоконтролю и критической оценке действительности, – чеканил фразы сэр Льюис. – Недаром же главная особенность толпы – это ее внушаемость. Толпа импульсивна и легковерна, испытывает ощущение своего всемогущества, а потому стремится к немедленному исполнению своих желаний, не смущаясь никакими крайностями. Если истина – это бог индивидуальности, то богиня толпы – иллюзия.

– Или идеология?

– Это одно и то же. Вы знаете, что любое стадо обезьян построено по иерархическому принципу, и у него обязательно есть вождь. Любой обезьяний самец обладает чувством собственного достоинства не благодаря своим внутренним, так сказать, духовным качествам, а благодаря занимаемой им ступеньке в этой иерархии, в результате чего он может доминировать над другими сородичами, в том числе и самками.

– Вы хотите сказать, что человеческое общество не слишком отличается от стада обезьян?

– А что же тут удивительного, если мы тоже приматы? Только в обществе высокий статус определяется не грубой физической силой, а политическим влиянием или богатством. Чтобы занять господствующее положение, надо навяз-

зять обществу определенную идеологию, которая бы объясняла и оправдывала, почему доминируют именно эти особи, а не другие, – а для этого и нужны деньги. Борьба идеологий – это не спор ради истины, это борьба за власть, и ничего больше. А чтобы облагородить эту борьбу в глазах толпы, идеологии придают форму иллюзии – каждый потенциальный лидер пытается убедить массы в том, что именно его идеология способна обеспечить «народное счастье». – Последние слова лорд Сильверстоун изрек с нескрываемой иронией, и Вульф не преминул это заметить.

– Так что же, любая идеология – это блеф, а в психологии толпы нет ничего положительного? – задумчиво спросил он после небольшой паузы.

– Есть, – с готовностью откликнулся англичанин. – Толпа не способна иронизировать, зато лишена страха смерти. Страх смерти – это удел индивидуального сознания...

– Которое может обрести мужество именно в иронии! – неожиданно воскликнул Вульф, и Сильверстоун посмотрел на него с любопытством.

– А, так вам тоже приходила в голову эта мысль?

– Более того, я в данный момент заканчиваю одно эссе, посвященное Гейне. Этот ироничный поэт много лет подряд был прикован к постели неизлечимым недугом, однако сумел сохранить определенное мужество именно благодаря своему остроумию.

– Вы собираетесь где-то опубликовать это эссе?

– Да, но оно написано по-русски, поскольку я писал его для одного петербургского журнала.

– Жаль. Мне было бы интересно с ним ознакомиться.

Какая-то нотка в тоне хозяина подсказала Вульффу, что настал момент прощаться. Он поднялся с кресла, и они обменялись рукопожатием. Англичанин учтиво поблагодарил его за визит и «приятную беседу» и выразил надежду, что скоро они встретятся вновь. И Вульфф обещал это вполне искренне.

Выходя из дома, он столкнулся в дверях с молодой дамой – и на мгновение у него замерло сердце. Она была в шляпке с тонкой темной вуалью, поэтому сначала ему показалось, что это та самая незнакомка... Но нет, у той были черные волосы, а волосы этой дамы отливали золотисто-каштановым оттенком. Но и она была весьма эффектна, и ее запоминающийся взгляд развращенного ребенка, без сомнения, способен свести с ума множество мужчин.

Интересно, к кому она шла, – неужели невозмутимый лондонский психиатр завел себе в Вене такую пикантную любовницу?

Глава 3

Дуэльные страсти

Лейтенант лейб-гвардии гусарского полка имени императрицы Марии Терезии Стефан Фихтер был рожден и воспитан в самую спокойную и солидную эпоху, которую только можно себе представить. Императорская Вена начала двадцатого века – это мир упорядоченный и неспешный, уютный и лишенный неожиданностей. Все было надежно застраховано, предусмотрено, регламентировано. Старое государство, старый император и его старое правительство задавали тон в почтенности, тучности и солидности – и подобная манера поведения являлась общепринятой. Никакой спешки, жестикуляции, порывистых движений – только спокойная, размеренная речь, сопровождаемая поглаживанием холеных бород да доброжелательными взглядами из-за позолоченных пенсне.

Именно такими бородами и пенсне немедленно по выходе из университета обзаводились молодые венские врачи и адвокаты, нотариусы и учителя. В геронтократическом государстве молодость подпадала под подозрение, считаясь «недостаточно устойчивой». Иметь за плечами шестьдесят лет было лучше, чем сорок, а иметь сорок – несравненно лучше, чем «ребяческие» двадцать. Смешно, но, когда Густава Малера назначили директором Королевской оперы, вся Ве-

на была в испуге: столь важный пост – и такому «молодому человеку» (Малеру было «всего» тридцать восемь), напроць забыв о том, что самый великий музыкальный гений Австрии – Моцарт – закончил свой жизненный путь всего в тридцать шесть.

Однако самое удивительное состояло в том, что, несмотря на все свое почтение к старости, Вена была веселым, музыкальным и жизнерадостным городом, влюбленным в жизнь и искусство и нисколько не напоминавшим приют для престарелых горожан. Два миллиона жителей, в жилах которых текла немецкая, славянская, еврейская, итальянская, венгерская кровь, ощущали себя не просто австрийцами, но космополитами – недаром же в Вене блистали все таланты Европы.

Лейтенант Фихтер любил свой город, который был основан в первом веке нашей эры римскими легионерами под командованием Виндобона в качестве форпоста греко-римской цивилизации и многие столетия рос и расширялся как дерево – кольцами. Свою роль форпоста Вене пришлось сыграть еще два раза – в 1529 и 1685 годах, когда она выдержала осаду турецких войск. Роль первого кольца, старинного крепостного вала, выросшего на месте временного частокола, которым римляне окружили свой боевой лагерь, теперь исполняла главная улица Вены – Рингштрассе, опоясывавшая исторический центр и изобиловавшая многочисленными колоннами парадных зданий: дворцов австрийской, чешской, венгерской и польской аристократий. Второе кольцо называ-

лось Гюртель, и внутри него обосновались военные, высшие чиновники, промышленники, бюргеры. На самых окраинах города обитали простолюдины. Впрочем, в этом даже имелось определенное преимущество, поскольку последние дома, окруженные садами и полями, отражались в Дунае, пересекавшем город на две части, и находились в непосредственной близости от поросших зелеными лесами отрогов Альп.

Сердцем Вены был не собор Святого Стефана с двумя его стрельчатыми башнями и даже не дворец Хофбург, в котором проживал Франц Иосиф, а императорский «Бургтеатр». Все сословия венского общества того времени объединяла неистовая любовь к искусству, особенно сценическому. Репертуар театра определял ритм жизни города, сцена – моды и манеры поведения, а юбилей актера или актрисы затмевал любое политическое событие, не говоря уже о заседаниях парламента. Впрочем, фанатичное пристрастие к музыкально-театрализованным представлениям распространялось на всё – военные парады, религиозные шествия, похоронные кавалькады. Да, да, превратить свои похороны в веселое и красивое зрелище считалось высшим шиком для каждого настоящего венца.

Стефан Фихтер пребывал еще в том прекрасном возрасте, когда смерть воспринимается именно как зрелище, а не как гнетущая и тошнотворная неизбежность. Он происходил из семьи профессиональных военных – его отец погиб в Италии во время подавления Пьемонтского восстания, зато дядя

– полковник Фердинанд Фихтер – был жив и занимал пост начальника контрразведки австрийской армии. Разумеется, молодой Фихтер не мыслил себе иной карьеры, кроме карьеры военного, однако, ведя традиционный образ жизни многих тысяч лейтенантов австрийской армии – то есть: маневры, учения, кутежи, публичные дома, театры, актрисы, кафе, скачки и казино, – он тем не менее ухитрился сочетать традиционное гусарство с некоторым интересом к «высшим материям».

Так, задумавшись над тем, что нечто Невыразимое, что таится за всеми философскими размышлениями о «Я» и Абсолюте, необходимо существует – иначе мир будет слишком прост и страшен в своей полной безысходности, – Фихтер увлекся антропософией, модным мистическим учением, которое было основано в 1909 году немецким мистиком хорватского происхождения Рудольфом Штайнером. Поначалу лейтенант искренне поверил в то, что в мире имеются сверхъестественные силы, с которыми, благодаря магии, можно вступать в общение и которые могут открыть «посвященным» древнюю тайную мудрость, говорящую об истинном смысле всего сущего и подлинной цели жизни. Недаром же человечество осознало могущество магии много веков назад, а сам оккультизм ведет свое начало от Гермеса Трисмегиста и его трактата «Изумрудные скрижали».

Деятельную натуру Фихтера привлекло и то, что антропософия стремилась стать точной наукой и преодолеть без-

духовность «массового человека», порожденного нынешним столетием. Она утверждала, что каждый человек – это микрокосм, состоящий из физического тела, то есть материи, тела эфирного и тела астрального, то есть энергии. С помощью системы специальных упражнений необходимо пробудить в человеке скрытые духовные силы, благодаря которым внутри его физического тела сформируется тело духовно-астральное. Сторонники антропософии всерьез утверждали, что «развитой оккультист» способен посылать свое астральное тело в любую точку пространства и времени, как это делал их новый мессия – Джидцу Кришнамурти. Этот молодой индус, склонный к непроизвольному впадению в экстаз, уверял, что понимание истины избавляет от страха смерти, уступая место свободной деятельности, идущей из глубины подлинного «Я».

Конечной целью всех обрядов и инициации антропософии было достижение Сверхсознания, однако так далеко лейтенант Фихтер заходить уже не рискнул. Устав возиться со своим «астрально-духовным телом», он с головой погрузился в ухаживание за злополучной Жужей Форкаи. Стать любовником известной примадонны – значило прославиться на всю Вену, а лейтенант был достаточно тщеславен. Фихтер пытался соперничать с князем Штритроттером за сердце очаровательной Жужи, и хотя и не смог помешать развитию их бурного романа, зато нарвался на славную дуэль.

Надменность Штритроттера отнюдь не подкреплялась от-

вагой, поэтому, когда не замечать вызывающих действий лейтенанта, оказывавшего открытые знаки внимания его возлюбленной, стало уже невозможно, он прибег к помощи своего младшего брата Карла – студента из породы «буршей». О, эта дикая германская «порода», являвшаяся вопиющим анахронизмом, заслуживает особого упоминания.

В далекие средние века университетам, чтобы они могли привлекать молодежь в свои стены, предоставлялись особые сословные права. Так, средневековые студенты не подлежали обычному суду, носили особую одежду и обладали правом безнаказанного участия в дуэлях. В начале двадцатого века за эти устаревшие права особенно рьяно цеплялись только австрийские и немецкие студенты, считавшие своим главным делом не учебу, а следование «кодексу чести». Усвоить этот кодекс было совсем не сложно, поскольку за сотни лет он совсем не изменился: накачавшись пивом, студенты по ночам отправлялись на улицы, чтобы орать свои песни, дразнить полицию и не давать спать обывателям.

Тот, кто оскорблял студента, был обязан с саблей в руках дать ему «удовлетворение», причем достойным дуэли считался лишь человек с высшим образованием или офицер. Дуэли заканчивались не убийством, а активным уродованием внешности в виде порезанных щек и лбов, переломанных носов или выбитых глаз.

Карл Штритроттер, младший брат князя Штритроттера, грубый и бесцеремонный малый, отчаянно гордивший-

ся своей «германской мужественностью» и выбитым глазом, однажды встретил Фихтера в одной из венских кондитерских и намеренно толкнул его так, что все содержимое кофейной чашки выплеснулось на белоснежные брюки лейтенанта.

Дуэль проходила на правом берегу Дуная, в знаменитом Венском лесу, в присутствии четырех секундантов – по двое с каждой стороны. Штритроттер так активно нападал на лейтенанта, что тому с большим трудом удавалось сохранить неприкосновенность своего лица от огромной сабли студента. Во время одной из атак он сумел прижать Фихтера к большому, раскидистому дубу. Выкрикивая грубые ругательства и опьяненный своим явным преимуществом, студент полез на рожон. В пылу схватки все произошло очень быстро – лейтенант пригнулся, сабля Штритроттера вспорола кору дерева над его головой, зато его собственная сабля случайно оказалась зажатой между двух тел – стволом дуба и объемистым брюхом студента. Последнее оказалось менее твердым, чем его лоб, в результате чего Штритроттер остановился и зашатался. К нему бросились секунданты, но студент прохрипел, что дуэль еще не окончена, и, зажимая рану рукой, попытался снова напасть на лейтенанта, чья окровавленная сабля в тот момент валялась под дубом. И тогда безоружный, но разъяренный Фихтер сделал то, что не укладывалось ни в какие дуэльные рамки, – подняв с земли засохший сук, он мощным ударом переломил его об упрямую голову Шт-

ритроттера, поставив окончательную точку в этом затянувшемся поединке.

На обратном пути, во время тряски в экипаже, из распоротого живота студента полезли внутренности, однако, когда его привезли в больницу, он был еще жив. Почти неделю Карл Штритроттер провел в бреду и даже ухитрился пережить своего старшего брата, умерев от заражения крови через три дня после знаменитого убийства в «Иоганн Штраус-театре».

Теперь, когда семейство Штритроттеров, имевшее определенное влияние при императорском дворе, лишилось сразу двоих наследников, над карьерой лейтенанта Фихтера нависла серьезная угроза. Более того, в одной из бульварных газетенок появилась скандальная заметка о том, что Жужа Форкай якобы действовала не под влиянием ревности, а по наущению коварного Фихтера, решившего злодейски расправиться сразу с обоими Штритроттерами!

В результате всех этих событий лейтенант стал известной личностью, хотя подобного рода известность, грозившая переводом в какой-нибудь захолустный гарнизон где-нибудь в Галиции, его не слишком радовала. Поэтому сегодня, незадолго до того, как отправиться в театр, чтобы посмотреть на новую актрису, которой предстояло заменить арестованную примадонну, Фихтер решил навестить своего дядю.

Первое, что он увидел, войдя в подъезд его дома по улице Флорианц, было растерянное лицо швейцара.

– В чем дело, Фердль? – поинтересовался лейтенант, снимая перчатки и фуражку. – Дядя дома?

– Да, но...

– Что – но? Занят?

Морщинистое лицо швейцара, обрамленное густой седой бородой, выразило столь явную душевную муку, что Фихтер на секунду замешкался.

– Да в чем, черт подери, дело?

– Боюсь, что он не сможет вас принять...

– Но у меня важное дело!

Швейцар продолжал пребывать в растерянности, и тогда лейтенант, состроив зверское лицо, громко скомандовал:

– Кругом марш! Иди вперед и доложи обо мне дяде!

На этот раз Фердль повиновался, однако пошел не направо, в парадную гостиную, а стал подниматься по широкой лестнице наверх, где находились кабинет и спальня. Лейтенант продолжал глядеть ему в спину и, когда поднявшийся швейцар нерешительно оглянулся, поторопил его нетерпеливым жестом: «Иди, докладывай!»

Швейцар скрылся из виду, а Фихтер стал нетерпеливо прохаживаться по гостиной, бодро насвистывая популярную арию из «Цыгана-премьера». У него свои заботы, а потому задумываться о странном поведении дяди, который в пять часов дня еще (или уже?) расположился в спальне, было недосуг. Однако Фердль не появлялся подозрительно долго, так что Фихтеру успело надоесть ожидание.

– Ну что, наконец? – закричал он, увидев унылую фигуру швейцара.

– Господин полковник нездоров, поэтому он не сможет уделить господину лейтенанту слишком много времени...

– А что с ним?

Швейцар так долго искал ответа, что Фихтер, устав ждать, быстро взбежал по ступеням и, отстранив Фердля, без стука вошел в кабинет.

Полковник Фердинанд Фихтер, как, впрочем, и подавляющее большинство полковников австрийской армии, носил те же усы и бакенбарды, что и император Франц Иосиф, – иметь бритый подбородок считалось признаком недопустимого вольнодумства. Такого рода «старые служаки» были похожи друг на друга, как овцы в стаде, и все их отличия имели не качественный, а лишь количественный характер – вроде числа орденов на мундире или степени дородности. Впрочем, лейтенант уважал своего дядю – тот хотя и являлся тугодумом, зато не был идиотом. По здравом размышлении он всегда мог дать толковый, а порой и весьма неожиданный совет.

В данный момент он принял племянника в халате и домашних туфлях, сидя в глубоком кресле и нарочито медленно раскуривая трубку.

– Здравствуй, Стефан, – первым произнес он и тут же закашлялся. – С чем пожаловал?

Не растерянность швейцара, а именно этот кашель, кото-

рый бы должен был свидетельствовать о скверном состоянии полковника, и вызвал первое подозрение Фихтера. Музыкальное ухо лейтенанта, на лету схватывавшее любую модную арию, мгновенно уловило натужную демонстративность этого покашливания.

– Я не вовремя? – вежливо осведомился он, присаживаясь на стул напротив дяди. – Ты болен?

– Да, я неважно себя чувствую, и ты поднял меня с постели...

Полковник Фихтер выглядел здоровее, чем когда-либо, и это второе несоответствие еще более усилило подозрительность Стефана. Что, черт подери, означает эта мнимая болезнь? Он удивился еще сильнее, когда выяснилось, что дяде ничего не известно о его проблемах. Начальник армейской контрразведки – и не знает о самом громком скандале Вены?

– Расскажи обо всем как можно подробнее, – небрежно предложил дядя.

Лейтенант, теперь уже почти не сомневаясь в том, что загадка сегодняшнего поведения полковника таится в смежной с кабинетом спальне, начал рассказывать. При этом, поскольку и племянник, и дядя, таясь друг от друга, прислушивались к звукам, доносившимся из-за дверей, завешенных тяжелыми портьерами, разговор получился довольно странный – первый рассказывал сумбурно, второй задавал вопросы невпопад. Лейтенант отличался отменным слухом и готов был поклясться в том, что не раз слышал звуки, напоминав-

шие так хорошо знакомый ему шелест женского платья. А однажды нежный женский голосок даже что-то промурлыкал – и именно в этот момент полковника сотряс приступ столь сильного кашля, что он даже выронил трубку.

«Неужели мой старый хрыч завел себе любовницу? – подумал лейтенант, поднимая трубку и передавая ее дяде. – Впрочем, почему бы и нет? В свои пятьдесят он еще достаточно крепок, а тетка скончалась два года назад. Интересно бы взглянуть хоть одним глазком на его пассию... Она молода и хороша собой?»

– Так ты говоришь, что этот Карл Штритроттер умер вчера в больнице?

Лейтенант вздрогнул от изумления. Рассказ о дуэли он ограничил одной фразой: «Я не хотел убивать этого студента – нападая на меня, он сам случайно наткнулся на мою саблю». Получается, что дядя и так обо всем знает, но зачем же тогда он затеял этот долгий разговор? Не проще ли было поскорее выставить племянника за дверь, а самому вернуться к таинственной красотке?

– Ты торопишься? – спросил полковник, заметив нетерпеливое движение лейтенанта.

– Да, – вынужден был ответить тот. – Мне не хотелось бы опаздывать к началу представления. Сегодня вместо фрейлейн Форкай должна выступить молодая дебютантка...

– А-а, значит, ты направляешься в «Иоганн Штраус-театр»? – на удивление быстро догадался полковник.

– Совершенно верно. Так что ты мне посоветуешь?

Обычно в ответ на подобный вопрос дядя обещал подумать и предлагал племяннику зайти через несколько дней. Но на этот раз он и в этом изменил своей привычке, чем окончательно убедил Стефана в его первоначальном предположении: с полковником Фихтером происходит нечто необычное.

– Что я посоветую? – сурово насупив брови, пробурчал он. – Готовиться к исполнению своего воинского долга – вот что я тебе посоветую. Австрия слишком распустила таких сосунков, как ты. Довольно вам нести службу в театрах да борделях, пора побывать и на полях сражений, чтобы в полной мере поразить врага своим доблестным воинским духом.

Стефан слушал дядю выпучив глаза, но в этом месте не смог удержаться.

– Да откуда же взяться этому воинскому духу? – ехидно полюбопытствовал он. – Неужели из театров и борделей?

– Гм! – И после этого энергичного восклицания полковник вдруг выдал самую крамольную мысль, которую от него когда-либо слышал племянник: – В конце концов, если солдаты будут знать, что они дерутся не за государя-императора, а за свои и неприятельские бордели, то... – Тут он спохватился и вновь начал отчаянно кашлять, каждый раз при этом выпуская огромные клубы табачного дыма, словно паровоз, стоящий под парами. – Ты... кха-кха... когда-нибудь... гх-х... слышал о секте ассасинов... уфф? – выдохнул он, пряча

глаза от племянника.

– Кажется, в английском это слово означает наемных убийц, – неуверенно отвечал тот.

– Я не о том. Подай-ка мне вон ту книгу, на столе.

Лейтенант проворно вскочил с места и передал дяде увесистый том, успев при этом взглянуть на название: «Тайные общества».

– Вот послушай, что выдумали эти негодяи. – И дядя, отложив трубку, принялся неторопливо листать страницы. – Так... «Основатель Хасан-Саба, один из проповедников Каирской школы... Выражение „ассасин“ есть извращенное слово „гашишим“, поскольку именно гашишем начальник опьянял своих последователей, когда они начинали какое-либо отчаянное предприятие»... Нет, это не то... Ага, вот, нашел: «Каким же образом начальники ассасинов добивались от своих подчиненных совершенно фантастической преданности и полного презрения к смерти? Показывая им рай! В одной из персидских провинций есть знаменитая долина Мулеба, в которой находился дворец Хасан-Саба, называемого еще „Владыкой горы“. Эта высокогорная долина представляет собой восхитительное место и так защищена отвесными утесами, что спуск вниз совершенно невозможен. В долине произрастали изумительные сады, где возвели роскошно обставленные павильоны, в которых жили очаровательные женщины. Человека, которого Хасан-Саба выбирал для самого отчаянного подвига, допьяна поили вином, по-

сле чего относили в долину и оставляли в саду. Он приходил в себя и какое-то время жил там, наслаждаясь ласками прекрасных гурий, которые уверяли его, что он находится в раю. Но прежде чем ему все это надоедало, его снова поили допьяна и относили обратно. Теперь, когда он воочию видел то, что его ждет в раю, ему была совершенно не страшна смерть. Рассказывают, что ассасин мог мгновенно покончить с собой, повинувшись малейшему знаку своего начальника...»

Дядя вновь закашлялся, и на этот раз, кажется, вполне натурально.

– Да, – с притворной серьезностью подтвердил Стефан, нетерпеливо поглядывая на часы и начиная злиться на «этого старого хрыча, который сначала не хотел впускать, а теперь не отпускает», – если всю австрийскую армию пропустить через подобное местечко, то она будет непобедима.

– Издеваешься?

– Нет, почему же? Чем сильнее вера в загробную жизнь, тем больше желающих за что-нибудь погибнуть... Чем бы оправдывались миллионы жертв всех войн, которые когда-либо вело человечество, если бы не было религии? Да и кто бы захотел умирать на поле битвы, не веря в загробную жизнь?..

«Отсюда получается, что именно религия способствует бесчисленным жертвам... Значит, вера в бессмертие души является скорее злом, чем благом!» – сообразил лейтенант и смолк, удивленный столь неожиданным выводом.

Прежде чем полковник успел что-либо возразить, в комнату вошел Фердль. Он ничего не сказал и лишь слегка кивнул головой.

– Ты говорил, что торопишься в театр? Ну что ж, не смею тебя больше задерживать, – с неожиданным проворством поднимаясь с кресла, заговорил дядя. – А о твоём деле я подумаю, так что зайди дня через три.

Окончательно сбитый с толку, лейтенант откланялся и вслед за Фердлем поплелся к выходу. И лишь когда он натягивал перчатки, его наконец осенило. Да ведь дядя нарочно тянул время всеми этими разговорами об ассасинах, дожидаясь, пока его дама оденется и тайно покинет дом! Он боялся, что они могут столкнуться на выходе, поэтому отпустил племянника лишь тогда, когда Фердль подал ему знак.

Слегка раздосадованный тем, что его так ловко провели, лейтенант медленно надел фуражку и, повернувшись к швейцару, лукаво подмигнул:

– Фрейлейн?

На мгновение в глазах Фердля мелькнула растерянность, но он тут же спохватился.

– Не понимаю, о чем изволите говорить, господин лейтенант!

– Фрейлейн! – уверенно повторил Стефан и, похлопав швейцара по плечу, покинул дом. Разумеется, в театр он опоздал.



Прекрасная музыка, сопровождаемая обворожительным женским пением, обладает загадочной властью над людскими душами, заставляя их забывать об обыденности и испытывать странное волнение – волнение перед чем-то неизведанным, но именно потому невыразимо чудесным. В мире немало таинственного, что заставляет нас верить в наличие высших сил, но среди этого загадочного есть таинственно-ужасное и волшебно-прекрасное... Впрочем, настоящая музыка может выражать как то, так и другое, поскольку главное в ней – это гармония сияющих звуков, обновляющих чувства и вдохновляющих сердца.

Никто из пришедших в тот вечер в «Иоганн Штраус-театр» не был разочарован новой примадонной – фрейлейн Эмилией Лукач. Не менее эффектная, чем Жужа Форкаи, но гораздо более изящная и романтичная, с низким бархатным контральто и огромными выразительными глазами, она мгновенно покорила зал. Трижды после финального занавеса она выходила на сцену и упоенно раскланивалась, взволнованная и неотразимая...

– Что известно о ее любовнике? – спросил лейтенант Фихтер у корнета Хартвига, пока оба яростно аплодировали.

– Ничего, – радостно отвечал тот. – Или этого малого вообще не существует, или он предпочитает оставаться в тени.

После случая со Штритроттером быть любовниками примадонн стало не менее опасно, чем драться с тобой на дуэли...

– В таком случае я немедленно отправляюсь за кулисы, чтобы с ней познакомиться! – решительно заявил Фихтер.

– Я с тобой!

– О чем это вы? – поинтересовался майор Шмидт и, узнав, в чем дело, выразил желание присоединиться.

Фихтер не возражал, самоуверенно полагая, что ни тот, ни другой не сумеют составить ему конкуренции. Корнет Хартвиг был еще юнцом, и даже усы служили ему для того, чтобы скрывать прыщи на губе; а майор Шмидт слишком зауряден, чтобы заинтересовать такую блестящую женщину.

Как только публика стала расходиться, трое офицеров хорошо знакомыми им путями устремились за кулисы. Майор и корнет вели себя именно так, как впоследствии вели себя на сценах театров всего мира скопированные с них персонажи «Королевы чардаша» – Ферри и Бони: первый пытался похлопывать всех попадавшихся на пути субреток, которые с притворным визгом уворачивались, а второй весело перемигивался с теми же субретками да лихо подкручивал свои жидкие усы. Казалось, что еще мгновение – и они, подхватив за талии не успевших увернуться девиц, запоют: «Красотки, красотки, красотки кабаре...» Впрочем, до рождения этой чудной мелодии оставалось еще около трех месяцев.

По пути был выработан план действий, не отличавшийся, впрочем, особой оригинальностью:

– Приглашаем ее на ужин к Захеру² и ухаживаем за ней кто как может, а уж фрейлейн пусть сама выберет достойного ее прелестей и таланта!

Добравшись до дверей артистической уборной Эмилии Лукач, воинственная тройца застала здесь какого-то штатского с букетом цветов.

– Это еще что такое? – грозно осведомился майор. – Вы кто такой?

– Моя фамилия Вульф, – вежливо, но чуть удивленно ответил этот молодой человек. – А в чем дело, господа?

– Фрейлейн Эмилия сегодня ужинает с нами, – сердито заявил Шмидт. – А вы можете оставить свой букет ее служанке и отправляться восвояси.

– Но позвольте!

– Вы слышали, что вам сказал майор лейб-гвардии гусарского полка имени императрицы Марии Терезии? – с воинственно-комической запальчивостью осведомился корнет. – Здесь не место таким штафиркам, как вы!

– Я не собираюсь никуда уходить, пока не повидаюсь с фрейлейн Лукач, – холодно, но твердо отвечал штатский. – А вы, господа, поберегите свою воинственность для других целей. Право же, в этом месте она выглядит откровенно смешной.

– Что вы сказали? – встрепенулся корнет, но штатский не стал повторять, ограничившись ироничной улыбкой.

² Самый модный ресторан Вены, расположенный в парке Пратер.

Сергей Вульф, последовав совету сэра Сильверстоуна и отправившись в театр, был немало удивлен, узнав в новой примадонне ту самую незнакомку, которая вчера стучала в дверь его гостиничного номера, чтобы попросить выпороть своего гнусного любовника. Впрочем, у столь романтического знакомства и не должно было быть иного продолжения! Он не отступится, и его, русского, не испугают эти бесцеремонные австрийские вояки!

– Оставьте его, Хартвиг, – неожиданно вмешался лейтенант Фихтер, успевший обменяться внимательными взглядами с Вульфом. Оба были примерно одного возраста, и каждый по-своему красив: лейтенант обладал классическими чертами воинственного потомка древних римлян, русский – вдохновенной внешностью представителя творческой богемы. – Не будем обращать на него внимания, тем более, я уверен, что и фрейлейн Лукач сделает то же самое.

Уверенность Фихтера оказалась напрасной. Как только фрейлейн Лукач появилась в дверях, три офицера, дружно отеснив штатского, стали наперебой щелкать каблуками, склонять напомаженные головы и громко выражать свое восхищение ее «бесподобной игрой». Сначала Эмилия внимала им с благосклонной улыбкой, но едва заметила Вульфа, как все изменилось.

– Извините, господа, – ласково пропела она, – что не могу принять ваше любезное приглашение, но на сегодняшний вечер я уже занята.

Лейтенант Фихтер стоял прямо перед ней, и именно ему пришлось отступить в сторону, когда фрейлейн Лукач направилась к штатскому. Поблагодарив за букет, она сама взяла его под руку, после чего они направились к выходу.

– Какое свинство! – вскипел корнет.

– Что за черт! – топнул ногой лейтенант.

– Да, господа, этот штафирка оставил нас с носом, – философски резюмировал майор.

– Я пошлю ему вызов! – пообещал Фихтер. – А вам, господа, придется стать свидетелями еще одной дуэли.

Глава 4

«Похищение из сераля»

Самое забавное состояло в том, что Сергей Вульф был изумлен оказанным ему предпочтением не меньше, чем трое его конкурентов. В конце концов, дама имела полное право сердиться на него за то, что он отказался пороть ее толстого любовника, – и вдруг такая неожиданная приветливость! Впрочем, стоило им сесть в фиакр, как Эмилия, словно поняв настроение Вульфа, тут же заметила:

– Не обольщайтесь на свой счет. Я сделала это лишь потому, что хотела избавиться от навязчивых ухаживаний, а не потому, что вы вызываете у меня особую симпатию...

После этих слов, произнесенных нарочито холодным тоном, Сергей, приготовившийся было в самых восторженных тонах выразить радость от их новой встречи, прикусил язык. Почувствовав его отчужденность, Эмилия вдруг улыбнулась – Вульф заметил это благодаря свету уличного фонаря, мимо которого они в тот момент проезжали.

– Тем не менее еще раз спасибо за чудесные цветы. Кстати, – она сделала легкую, беспокойную паузу, – я надеюсь, что на вашу скромность можно положиться? Вы никому не наболтали о том, что произошло вчера между нами в гостинице?

Вульфу стыдно было признаться, что эта просьба уже

несколько запоздала, – но ведь они снова встретились именно благодаря совету лорда Сильверстоуна, который обо всем узнал! Как же неприятно лгать, особенно когда попал в безвыходную ситуацию.

– Не наболтал, – сухо ответил он, – у меня в Вене очень мало знакомых... В любом случае на меня вы можете рассчитывать, хотя за скромность господина Фальвы я бы не поручился...

– Он не посмеет! – живо возразила фрейлейн Лу-кач.

– Почему вы в этом уверены?

– Ваш вопрос нескромен.

– В таком случае позвольте сделать вам достаточно скромное предложение.

– Говорите.

– У вас сегодня прошла столь успешная премьера, что завтра о ней станет говорить вся Вена. После этого у меня уже не будет никаких шансов на то, чтобы пригласить вас на ужин с шампанским...

– Нет, – поспешно перебила его Эмилия, – ужинать я не хочу. Но зато и у меня к вам есть одно предложение, точнее говоря, просьба... Не бойтесь, – усмехнулась она, – эта просьба будет гораздо более невинной, чем предыдущая.

Вульф молча пожал плечами.

– Я сказала извозчику не свой адрес, как вы могли подумать. Сейчас мы едем к одной моей подруге, которая живет в пригороде. Мы вместе с ней выступали в кордебалете, но

сегодня она не явилась на спектакль. Я не видела ее несколько дней, поэтому начинаю беспокоиться...

– Вы хотите, чтобы я заехал к ней вместе с вами?

– Да, вы меня правильно поняли. Тем более, – и тут Эмилия слегка поежилась, – что сейчас уже ночь, а она живет рядом с кладбищем.

– Вы боитесь кладбищ? – немедленно полюбопытствовал Вульф.

– Боюсь. Знаете, однажды я где-то прочитала о том, как в восемнадцатом веке во Франции решили перенести одно сельское кладбище. И вот при вскрытии могил вдруг выяснилось, что некоторые покойники лежат в своих полуистлевших гробах на боку или в каких-то других, скрюченных позах. Когда подсчитали их общее количество, то выяснилось, что в измененной позе лежит чуть ли не каждый десятый покойник. Вы понимаете, что это значит?

– Их по ошибке хоронили заживо, а потом, уже в гробу, они приходили в сознание и пытались выбраться?

– Да, именно так! Представляете, какой ужас – очнуться в собственном гробу, на глубине двух метров под землей! – Голос Эмилии звенел и дрожал. – Теперь когда я оказываюсь на кладбище, всегда представляю себе, как в одной из могил лежит задыхающийся, ворочающийся в гробу человек. Порой у меня начинаются такие сердцебиения, что я готова принять их за стук заживо погребенного!

– Ну, сейчас медицина шагнула далеко вперед, и такие

случаи практически исключены, – не слишком уверенным тоном попытался успокоить ее Вульф. – Хотя, если честно признаться, я тоже волнуюсь при виде кладбищ, хотя и по другому поводу.

– А почему волнуетесь вы?

– Наверное, потому, что я слишком рано стал невольным посетителем подобных мест, причем поводом для этого каждый раз служили наши трагические семейные обстоятельства. Я был еще ребенком – мне исполнилось всего двенадцать лет, – когда мой старший брат, который заканчивал гимназию, вдруг впал в черную меланхолию. Вскоре после этого учитель латыни потребовал от него доносить на своих товарищей – то есть пересказывать их разговоры, особенно политического и фривольного содержания. Брат с возмущением отказался, и тогда учитель в отместку поставил ему на экзамене «двойку».

– И что сделал ваш брат? – взволнованно поинтересовалась Эмилия.

– Он где-то раздобыл старый револьвер, в котором остался всего один патрон, и выстрелил себе в сердце. Так я впервые стал свидетелем похорон. Второй раз это было еще страшнее, хотя тогда мне уже стукнуло пятнадцать. За моей любимой сестрой, которой было девятнадцать, начал ухаживать один молодой офицер – их полк был расквартирован неподалеку от нашего поместья. Она полюбила его, но он, то ли из-за недостатка средств, то ли из-за недостатка чувств, медлил с

предложением. И тогда в нашем доме появился пожилой помещик-сосед. Он так умело повел дело, что через несколько месяцев они с моей сестрой обвенчались в нашей сельской церкви. Жить новобрачные должны были в поместье мужа, но произошло то, чего никто не ожидал. За час до отъезда, когда Лина поднялась в свою комнату, чтобы собрать вещи, мы вдруг услышали револьверный выстрел. Как и мой бедный брат, она выстрелила себе в сердце и через два часа скончалась, не приходя в сознание.

– Она все еще любила того офицера?

– Не знаю, – грустно отвечал Вульф. – Кто-то из прислуги рассказывал, что якобы видел, как моя сестра получила какое-то письмо, однако после ее смерти мы так ничего и не нашли... Теперь вы понимаете, что когда подросток дважды посещает кладбище, чтобы стать свидетелем того, как его юных брата и сестру зарывают в землю, то...

– Понимаю. – И тут Эмилия с неожиданной теплотой пожала его руку.

Вскоре фиакр остановился. Вульф первым выбрался наружу, подал руку Эмилии и лишь после этого огляделся по сторонам. Сады, подступавшие к самым предгорьям Альп, скромные, но аккуратно выбеленные дома с погашенными огнями, глухая тишина да редкий лай собак. В то время как центральная часть Вены по ночам веселилась, предместья, в преддверии нового рабочего дня, рано ложились спать. Интересно, в какой стороне расположено кладбище?

– Скажите извозчику, чтобы подождал нашего возвращения, – скомандовала фрейлейн Лукач и, не дожидаясь своего спутника, решительно направилась к двухэтажному дому, возле которого горел едва ли не единственный на всю улицу фонарь.

Вульф договорился с владельцем фиакра, который слушал его с явным недоверием и согласился подождать, лишь получив аванс, после чего последовал за Эмилией, которая уже громко стучала в дверь. Сначала дернулись занавески и мелькнул свет ночной лампы, затем изнутри послышался дребезжащий старушечий голос, говоривший на ломаном немецком языке. Эмилия произнесла несколько слов в ответ – при этом Вульф ничего не понял и вопросительно посмотрел на нее.

– Это квартирная хозяйка, у которой моя подруга снимает комнату, – нетерпеливо пояснила фрейлейн Лукач.

– Она тоже венгерка?

– Да, только я, как и маэстро Кальман, из Шиофока, а Берта – из Дебрецена.

– Я имел в виду квартирную хозяйку...

– Нет, она румынка, из Трансильвании, но хорошо говорит по-венгерски.

Наконец дверь приоткрылась, и в проеме возникла высокая старушечья фигура в белом капоте. Эмилия произнесла еще несколько фраз, после чего старуха, выглядевшая явно испуганной, пропустила их внутрь и тут же тщательно запер-

ла дверной замок.

– Зажгите лампу, она там, на кухне.

Вульф кивнул и, осторожно ступая по темному коридору, отправился искать кухню и лампу, пока Эмилия разговаривала с хозяйкой. Когда он вернулся, освещая себе дорогу, то застал свою спутницу в сильном волнении.

– Фрау Попелеску говорит, что последний раз видела Берту в день убийства князя Штритроттера.

– То есть прошло уже пять дней?

– Да. Самое странное, что на следующий день после убийства она не явилась на репетицию, прислав в театр записку о том, что больна, хотя фрау Попелеску уверяет, что уже в тот момент Берты дома не было.

– Надо заявить в полицию.

– Сначала давайте осмотрим ее комнату.

– Зачем?

Эмилия полоснула его гневным взглядом, после чего протянула руку за лампой.

– Если не хотите, можете оставаться здесь.

Вульф с сомнением покачал головой, однако направился вперед.

Они поднялись по лестнице, дверь была незаперта, и Вульф вошел первым, поставив лампу на стол у окна. Обстановка была весьма изящной – чувствовались претензии хозяйки на то, чтобы превратить свою комнату в будуар светской дамы. Старинная кровать с голубым балдахинном, позо-

лоченное трюмо, на подставке которого разместились красивые безделушки, платяной шкаф, где висело несколько платьев, а в углу, на тумбочке, – таз и серебряный умывальник. Поперек кровати лежал белый чулок с розовым бантом-подвязкой, а на полу валялись ночная сорочка и длинный обрывок голубой ленты. Да, подобный беспорядок вызывал определенные подозрения...

– Похищение из серала, – пробормотал Вульф и тут же вздрогнул от негодующего шепота.

– Как вам не стыдно шутить!

– Простите... – И он смущенно оглянулся на Эмилию.

Она несколько раз решительно прошла по комнате, внимательно осмотрела вещи подруги, а затем с разочарованным вздохом опустилась на кровать.

– Где же она может быть? – На этот раз Эмилия говорила не шепотом, но достаточно тихо.

Вульф осторожно присел на плетеный венский стул. Да, у него с этой красавицей романтические приключения следуют одно за другим. Ночь, тишина, таинственное исчезновение подруги – и они вдвоем в ее пустой полутемной комнате... Черт, до чего неуместные мысли могут лезть в голову! Он смущенно кашлянул.

– Неужели у вас нет никаких предположений?

Эмилия медленно подняла на него задумчивые глаза.

– Не знаю... последнее время Берта вела себя как-то странно. Впрочем, она всегда была достаточно скрытной.

– У нее был любовник?

Ответом стала лукаво-усталая усмешка.

– Вы так плохо знаете нравы кабаре? Любовник для таких девушек, как мы, необходим не менее ангажемента...

Вульфа неприятно поразило столь откровенное сравнение, но он сдержался. В конце концов, что ему задело? Он не влюблен, а потому должен не ревновать, а рассчитывать...

– Вы говорили, что вместе приехали в Вену из Венгрии? – напомнил он. – Может быть, ваша подруга решила вернуться домой?

Эмилия отрицательно покачала головой.

– Берта бы не стала этого делать, не известив меня. И вообще, она никогда не любила Венгрию.

– Так это Фальва устроил ваш приезд в Вену? – неожиданно догадался Вульф, вспомнив толстого и голого импресарио в цепях.

– Я бы не хотела сейчас говорить об этом человеке.

– В таком случае, – и Вульф первым поднялся со стула, – нам не остается ничего другого, как обратиться в полицию.

– Вы сходите туда вместе со мной? – с надеждой спросила Эмилия, и он радостно кивнул.

Подойдя к столу, чтобы забрать лампу, Вульф заметил фотографию в рамке. Она стояла боком к окну, отбрасывая длинную тень. Чтобы рассмотреть получше, Сергей взял ее в руки и осветил лампой. Одной из двух девушек, позировавших в студии на фоне нарисованного на заднем плане ста-

ринного замка, была Эмилия, а вот второй... Вульф наклонился пониже, поднеся фотографию к самым глазам. Несомненно, что это красивое женское лицо он уже где-то видел, этот взгляд развращенного ребенка ни с каким другим не перепутаешь. А, ну разумеется, несколько дней назад он столкнулся с этой дамой у входа в дом, где обосновался лорд Сильверстоун. Но позвольте, ведь это же было на следующий день после убийства в театре!

Глава 5

Инспектор Вондрачек и профессор Фрейд

Комиссару полиции Карелу Вондрачку явно не доставало усов. Еще не старый, лет сорока пяти, этот солидный, добродушного вида чех имел золотистый загар, соломенного цвета шевелюру с небольшой лысиной, напоминавшей полянку на пшеничном поле, и наблюдательные зеленые глаза. Но вот пшеничного цвета усов ему явно не хватало – и это впечатление постоянно приходило на ум, стоило взглянуть на бело-розовую кожу того места, где они и должны были находиться. Сергей Вульф, который уже битых полчаса торчал в полицейском участке на Ригенштрассе, расположенном напротив старого пожарного депо, смотрел на комиссара, задумавшись и совсем не обращая внимания на направление своего взгляда. Сейчас он видел перед собой не этого дородного чеха, сидевшего под портретом императора Франца Иосифа, а таинственную и прекрасную фрейлейн Лукач. Какие у нее чувственные губы – темно-розовые, и при этом очень нежные. И как интересно наблюдать за их движением, даже не вникая в смысл произносимых слов. Один поцелуй таких губ стоит любого признания, а один теплый и томный вздох – самой изысканной арии...

– Какого черта вы на меня уставились? – вдруг рявкнул комиссар. – Что вам в моей физиономии не нравится?

– Простите? – разом очнувшись от задумчивости, изумился Вульф.

– Я спрашиваю – что вам во мне не нравится? Усов, что ли, нет? Так сбрил я их, сбрил, имею я право сбрить усы, если мне так захотелось?

– Да, разумеется, господин комиссар, но при чем здесь ваши усы?

А усы были при том, что в данный момент Карела Вондрачека больше всего волновала проблема того, как сохранить в тайне историю их исчезновения. Как только известие об этом донесется из Праги в Вену, новоиспеченный комиссар может стать всеобщим посмешищем. Собственно говоря, исчезновение усов было неразрывно связано с историей перевода пражского детектива Вондрачека в полицию столичной Вены.

Причиной перевода стали достоинства самого инспектора, сумевшего в кратчайшие сроки раскрыть преступление, связанное с кражей фамильных драгоценностей графини Хаммерсфильд. Это дело стало известно венским газетам со слов самой графини, восторженно возблагодарившей «Господа Бога и господина Вондрачека»; на одну из этих газет обратил внимание министр внутренних дел, и в результате всего этого в Прагу полетела правительственная телеграмма, вызывавшая комиссара в столицу.

За день до того, как окончательно отбыть в Вену, Вондрачек закатил для своих сослуживцев прощальный банкет в трактире «У Чаши», славного своим великопоповицким пивом. И надо же было так случиться, что виновник торжества перебрал сливовицы и задремал в задней комнате трактира. Разбуженный хозяином, Вондрачек взглянул в поднесенное им зеркало и замер от ужаса: его усы оказались выкрашены в государственные цвета Австро-Венгрии, то есть один был желтым, другой – черным. Кто и как это сделал, в пылу попойки осталось незамеченным, хотя большинство из присутствующих обвинило во всем двух чешских студентов, околачивавшихся в том же трактире, поскольку именно студенты сильнее всего ненавидели полицейских.

Поскольку краска не смывалась, с усами пришлось немедленно расстаться. Но их отсутствие было столь явным, что начальник венской полиции долго и недоуменно рассматривал пустое место на лице своего нового подчиненного, хотя так ни о чем и не спросил. С этого момента любой намек на отсутствие усов откровенно бесил некогда добродушного Вондрачека. А что будет, если история о его усах рано или поздно станет известна новым коллегам! Но самое удивительное состояло в другом – с момента прибытия в Вену пролетело уже свыше полугода, но ни усы, ни борода больше не росли! Каждое утро комиссар старательно массировал подбородок и ошупывал место под носом – но тщетно! Оно оставалось голым и розовым, как попка младенца. Ни один

из венских врачей не находил объяснения этому таинственному феномену, так что теперь инспектор с нетерпением дожидался отпуска, решив купить себе накладные усы и появиться на работе уже с ними, чтобы ни у кого не вызывать подозрений в их неестественном происхождении.

Сергей Вульф, не ведавший о душевных терзаниях полицейского комиссара, смотрел на него с откровенным недоумением.

– Ну хорошо, – вздохнул Вондрачек, – вернемся к вашему делу. Кстати, а почему в полицию обратились именно вы, хотя, по вашим собственным словам, даже не были знакомы с фрейлейн Бертой Тымковец? Почему этого не сделали квартирная хозяйка или подруга пропавшей – фрейлейн Лукач?

– У фрейлейн Лукач сегодня репетиция, а квартирная хозяйка – бестолковая старуха.

– Ладно, я лично займусь поисками фрейлейн Тымковец и немедленно отправлюсь на место происшествия. Но мне еще понадобится ваша помощь. Где вы остановились?

– Гостиница «Курфюрст» на Рингштрассе.

– «Курфюрст»? – Вондрачек оживился. – В таком случае не знаком ли вам некий Ласло Фальва, который числится среди постояльцев той же гостиницы?

– Да, – удивленно отвечал Вульф, – я встречал этого господина. – Он опасался расспросов о том, как и где это произошло, и заранее решил, что не будет говорить правды, чтобы не скомпрометировать Эмилию Лукач. – А в чем, соб-

ственно, дело?

Ответ комиссара удивил его еще больше.

– Этот Фальва из-за своих порочных наклонностей находится под негласным надзором полиции... Только это, разумеется, между нами. – Вульф кивнул. – Поэтому я был бы вам очень признателен за все сведения, которые бы вы могли предоставить...

– Вы хотите сделать из меня вашего соглядатая? – возмущенно воскликнул Сергей и мгновенно вскочил с места. – Об этом не может быть и речи!

– Сядьте! – резко осадил его Вондрачек. – Сядьте и постарайтесь выслушать меня спокойно. Все не так просто, как вам могло показаться на первый взгляд. Я недаром спросил вас об этом Фальве. Наблюдая за его действиями и сообщая обо всем увиденном, вы могли бы серьезно помочь расследованию дела об исчезновении фрейлейн Тымковец.

«Ага! – подумал Вульф. – Значит, моя догадка оказалась правильной? Именно Фальва устроил обеим венгерским красоткам ангажемент в Вене, в обмен на удовлетворение своих гнусных наклонностей...»

– Они были знакомы? – спросил он у комиссара нарочито равнодушным тоном.

– Не только знакомы, но, по свидетельствам наших венгерских коллег, состояли в любовной связи. – Вондрачек порылся в ящике стола и вытащил оттуда какую-то папку. – Если хотите, я могу кое-что рассказать вам о нем. Возможно,

это заставит вас переменить свое мнение? В конце концов, каждый порядочный человек всеми возможными средствами должен пресекать выходки развращенных мерзавцев. Вы согласны?

Вульф неопределенно пожал плечами, но приготовился слушать.

– Вот показания двух будапештских проституток: Милицы Секеш и Юдит Ковач, – продолжал комиссар, раскрывая папку. – Они были задержаны в пригороде Пешта, поскольку имели непотребный вид и своим поведением нарушали общественную нравственность. Проще говоря, были пьяны и орала во все горло. Причину своего поведения они объяснили радостью – в тот день им удалось подцепить богатого клиента и хорошенько заработать. Вы меня слушаете?

– Да, конечно.

– По их словам, дело происходило так: они явились по вызову в один частный дом, где их ожидал некий господин, с которым они занялись любовными играми в извращенной форме.

– А что это значит – «извращенная форма»? – любопытствовал Вульф, сразу вспомнив цепи и хлыст.

– Вообще говоря, извращение – это удовольствие, получаемое или от чего-то необычного, или необычным способом, – охотно пояснил Вондрачек. – Например, если нормальный человек, намереваясь совершить половой акт, раздевается догола, то извращенец поступает наоборот – то

есть, уже находясь в голом виде, надевает носки, шляпу и галстук.

– Какое же это извращение? Это просто игра, совершаемая по правилам, которые известны лишь самим участникам, и я не вижу здесь ничего страшного. Во всяком случае, эти игры намного безобиднее того удовольствия, которое получают некоторые государственные деятели, посылая на смерть своих подданных во имя мнимых...

– Оставим политику, – поспешно перебил комиссар. – В данном случае нас это не касается.

– Хорошо, – согласился Вульф. – Так что дальше – этот господин, то есть Фальва, совершал половой акт в носках и цилиндре?

– Нет, он вел себя по-другому – заставлял обеих проституток снимать свое нижнее белье и выбрасывать его в окно. При этом за каждую снятую деталь туалета он немедленно платил им по десять крон.

– Какая щедрость!

– После того как он первый раз удовлетворился, они вышли из дома и сели в его автомобиль. Господин Фальва привез их в рощу и, поставив одну из девиц на четвереньки, стал совершать с ней половой акт, в то время как другая девица должна была хлестать его по голой заднице березовым прутом. – Судя по тому, с каким удовольствием Вондрачек пересказывал эти подробности, они его немало забавляли. – Наконец он удовлетворился снова, расплатился с девицами

и договорился о новой встрече, вручив им свою визитную карточку. Затем он укатил, а девицы дошли пешком до ближайшего трактира, где подсчитали свои доходы и, придя в полный восторг, дружно напились в компании каких-то ломовых извозчиков. Именно после этого их и задержала полиция. Ну, что вы на это скажете?

Вульф улыбнулся.

– Если даже называть это извращением, то это весьма невинное извращение. Гораздо более опасными мне представляются те извращенцы, которые вообще не хотят получать удовольствия, или те, которые не дорожат временем жизни, или те, которые тратят это время на самые ничтожные мелочи...

– Вы философствуете, а я вас спрашивал о другом, – вновь прервал его комиссар. – Вы согласны сотрудничать со мной лично, наблюдая за поведением господина Фальвы? Если вы заинтересованы в скорейшем нахождении фрейлейн Берты Тымковец, то просто обязаны согласиться.

Сергей задумался – ему внезапно вспомнилось его подозрение в отношении лорда Сильверстоуна: не Берта ли направлялась к англичанину в тот день, когда он сам выходил от него после дружеского обеда? Впрочем, стоит ли раньше времени привлекать внимание полиции к почтенному доктору, не лучше ли сначала самому у него обо всем узнать? А что касается Фальвы...

– Хорошо, – наконец сказал он, – во всем, что может по-

способствовать розыску этой девушки, я буду вам помогать. Но если вы надеетесь сделать из меня платного шпика...

Вондрачек широко улыбнулся и протестующе замахал руками.

Выйдя из полицейского участка, Вульф взглянул на часы, украшавшие пожарную каланчу. Они начали бить одиннадцать. Вспомнив, что еще не завтракал, Сергей бодрым шагом направился в одно из своих любимых кафе – «Шварцвальд».

Поздоровавшись с хозяином, он занял место за привычным столиком напротив входа и сделал заказ. В кафе было немногочленно – несколько пожилых венцев, пьющих свой утренний кофе с газетами в руках, да один маленький и худенький юноша еврейской наружности, с крупными, слегка оттопыренными ушами, густыми черными бровями, лоснящимися губами и большими задумчивыми глазами. Он что-то писал, задумчиво поглядывая в окно, поэтому Вульф сразу решил, что это поэт или журналист. Интересно бы взглянуть, что он там сочиняет. Судя по грустному виду, это могла быть очередная стихотворная жалоба на жестокость возлюбленной, или если он слишком самолюбив, то и наоборот. В истории литературы бывали подобные примеры.

В молодости у знаменитого автора «Декамерона» Джованни Боккаччо был роман с одной замужней дамой знатного происхождения. Когда она его бросила, он разразился романом под названием «Фьяметта». Биографы Боккаччо до сих

пор спорят между собой по поводу одной пикантной детали – добился он успеха у своей Фьяметты или нет? Сам Вульф, с трудом осилив этот на редкость занудный роман, пришел к выводу, что вряд ли. В романе девять глав, и лишь в одном, весьма бессодержательном абзаце повествуется о том, как она ему «уступила». Но уже в следующей главе они расстаются, после чего следуют бесконечные жалобы дамы на жестокосердие своего возлюбленного. Складывалось впечатление, что Боккаччо, описавший себя в облике классического соблазнителя по имени Панфило³, не смог поведать ничего вразумительного по поводу своих мнимых успехов. Счастливые поэты гораздо красноречивее! Роман, написанный брошенным поклонником, – одна сплошная жалоба влюбленной и брошенной женщины. Есть над чем задуматься психоаналитикам...

– ... Дождемся Фелицию и вместе пойдем на лекцию профессора Фрейда.

Задумавшийся Вульф удивленно вскинул голову. А ведь он чуть было не забыл, что сегодня как раз тот день, когда Фрейд читает открытую лекцию в Венском университете.

К молодому человеку присоединился приятель, и теперь, в ожидании какой-то Фелиции, они живо обсуждали волнующую обоих тему.

– Понимаешь, Франц, – говорил этот приятель, непрерывно поправляя свое золотое пенсне, – я давно заметил одну

³ В переводе с латинского – «всех люблю».

закономерность: чем скучнее жизнь – тем злее развлечения. А самое злое из них – это травля себе подобных путем склок и подсиживаний. Именно поэтому я вынужден был оставить работу в городской ратуше, о чем, впрочем, нисколько не жалею, ибо это были самые скучные годы моей жизни.

– Что же тут удивительного? – отложив перо, отвечал Франц. – Скука – это царица дураков и бюрократов! При этом насколько скучны сами бюрократы, настолько же скучна и борьба с ними.

– А уж как скучны бюрократические инструкции!

– О, инструкции – это дамбы, что противостоят бесконечно хаотическому потоку жизни, превращая его в зловонное болото. Самая прекрасная инструкция – это та, которую можно высечь золотыми буквами на неколебимом граните «на веки веков». Ненависть ко всему новому, неожиданно, а потому и интересному, – это обратная сторона любви к четкой и ясной инструкции. Вообще говоря, способность к развитию во времени присуща бюрократической системе не больше, чем египетским пирамидам...

Молодой человек говорил с таким воодушевлением, что Вульф невольно заслушался. Кто же он все-таки – поэт или чиновник?

– ... Смешно сказать – но оперетта, самый веселый и жизнерадостный жанр, превратилась в напыщенный, медлительный, вялый фарс, где записные остряки с плохо скрываемой скукой произносят со сцены унылые остроты, а почтенная

примадонна лениво шевелит телесами, изображая «огненный чардаш», который из уважения к ее возрасту оркестр играет на два такта медленней, чем в авторской партитуре!

– Ну, здесь ты не прав! Ты говоришь о скверных провинциальных театрах, а в Вене примадонны совсем не такие. Видел бы ты Жужу Форкаи или Эмилию Лукач...

Услышав знакомое имя, Вульф насторожился – и совершенно напрасно, поскольку в следующее мгновение разговор друзей прервался. В кафе вошла девушка в белой кофте, темно-зеленой юбке и с увесистым медальоном на шее. Узкое лошадиное лицо, большие губы, гладко зачесанные волосы, скованные в пучок на затылке. «Да, соблазнительной ее явно не назовешь», – отметил про себя Вульф.

Зато молодой человек, которого звали Францем, просиял и радостно поднялся ей навстречу. Представив девушку своему приятелю, он расплатился с кельнером, и все трое направились к выходу. На полдороге он, что-то вспомнив, вернулся к своему столику, взял с него исписанный лист бумаги, скомкал его и торопливо зашвырнул в урну. Устремившись вслед за своей дамой, он не заметил, что комок бумаги, ударившись о край урны, отлетел под соседний столик, к самым ногам Вульфа.

Сергей дождался, пока девушка и оба юноши покинут кафе, а затем поднял бумагу и с любопытством развернул. Несколько рисунков, а под ними какие-то заметки. Почерк был мелкий и небрежный, поэтому ему с немалым трудом

удалось разобрать написанное.

«Я нарочно хожу по улицам, где есть проститутки. Когда я прохожу мимо них, меня возбуждает эта далекая, но тем не менее существующая возможность пойти с одной из них. Это вульгарно? Но я не знаю ничего лучшего, и такой поступок кажется мне, в сущности, невинным и почти не заставляет меня каяться. Только я хочу толстых, пожилых, в поношенных, но благодаря разным накидкам кажущихся пышными платьях. Одна из них, по-видимому, уже знает меня. Я встретил ее сегодня после обеда, она была без шляпы, в простой рабочей блузе, как кухарка, и несла большой сверток, вероятно, белье к прачке. Ни один человек, кроме меня, не нашел бы в ней ничего соблазнительного. Мы мельком посмотрели друг на друга. Теперь, вечером, когда стало прохладно, я увидел ее на противоположной стороне узкого, ответвляющегося от Цельнергассе переулка, где она обычно поджидает клиентов; она была в облегающем желтовато-коричневом пальто. Я дважды оглянулся на нее, она ответила на мой взгляд, но я прямо-таки сбежал от нее... Страшная ненадежность моего внутреннего бытия».

Ниже следовали несколько вариантов подписи, один из которых оказался достаточно четким – Ф.Кафка.

* * *

– ... Коперник и Дарвин совершили два переворота: один

– установив, что Земля не является центром Вселенной, другой – что человек не представляет собой особый вид в мире живого. Утверждение о том, что поведение человека определяется не его сознательным «Я», а сексуальностью и бессознательным, дополняет первые два переворота. Таким образом, психоанализ вносит свой вклад в многовековые усилия науки по развенчанию «нарциссической иллюзии» человека. Теперь предстоит окончательно отказаться от антропоцентризма – человек должен понять, что не является центром мироздания, венцом творения и что даже его «Я» – это отнюдь не самостоятельная и самодовлеющая сущность, а всего лишь надводный пик огромного айсберга бессознательного. Настоятельная цель психоанализа – бороться с иллюзиями, которые пронизывают всю область психики, ибо мировоззрение, основанное на науке, требует отказа от иллюзий. Кто недоволен таким положением вещей и требует успокоения, пусть приобретает его там, где обретет, – мы ему в этом помочь не сможем. Благодарю за внимание.

Профессор Фрейд учтиво склонил седую голову и под грохот аплодисментов сошел с трибуны. Правильные черты лица, холеные борода и усы, сосредоточенный взгляд темных глаз, ясная речь – все это производило на слушателей глубокое впечатление: ведь они приобщаются к самым волнующим тайнам современной науки, ведомые ее преданным жрецом.

Сергея Вульфа давно интересовала одна мысль – поче-

му все физические константы именно таковы, что стало возможным возникновение сначала жизни, а затем и человека, приступившего к познанию Вселенной? Ведь если бы ускорение свободного падения или температура замерзания воды были немного иными, то Вселенная приняла бы другой вид и жизнь в ней оказалась бы невозможна. Получается, что Вселенная такова, какова она есть, именно потому, что в противном случае был бы невозможен ее сознательный наблюдатель в лице человечества. Но ведь сознание – это процесс, закрытый от наружного наблюдения и воспринимаемый лишь изнутри. Каким же образом Вселенная может узнать, что она создала разумные существа, наделенные сознанием? Только благодаря божественному всеведению! Получается странная дилемма – либо Вселенная разумна и человек является «венцом творения», против чего выступает профессор Фрейд, либо возникновение человеческого «Я» является результатом совпадения невероятного количества случайностей. Последняя мысль была особенно трудна для восприятия – какой же набор случайностей мог породить такую цепочку событий, чтобы из первоначальной газо-пылевой туманности возникла солнечная система, на одной из планет которой однажды появилось индивидуальное «Я» Сергея Николаевича Вульфа? Кроме того, если все в мире подчиняется естественным законам, то откуда же берется тот нематериальный деятель в виде человеческой души, который яростно не желает подчиняться природной необходимости?

Намереваясь поинтересоваться мнением на этот счет профессора Фрейда, Вульф быстро спустился с галерки и устремился за творцом психоанализа, который медленно шествовал в толпе почитателей, похожий на патриарха.

Пытаясь обогнать двух хорошеньких задорных курсисток в одинаковых коричневых платьях, Сергей случайно задел плечом молодого военного, который разъяренно обернулся.

– Черт подери!

– Простите...

– Как, снова вы?

Лейтенант Фихтер и Сергей Вульф мгновенно узнали друг друга. Но если у Фихтера при воспоминании о недавней неудаче в театре раздраженно заблестели глаза, то Вульф был так поглощен своими мыслями, что равнодушно пожал плечами.

– Не ожидал увидеть вас здесь, – язвительно заметил лейтенант. – Мне казалось, что ваше излюбленное место – это будуары актрис.

– А вот я не слишком удивлен вашим интересом к науке, – невозмутимо парировал Вульф. – Хотя вполне бы мог предположить, что вы пришли сюда охотиться за курсистками.

Лейтенант хотел было вспылить, но решив, что повод для этого слишком ничтожен, пренебрежительно усмехнулся. Они разошлись в разные стороны, причем каждый почувствовал, что эта встреча далеко не последняя.

Глава 6

Похождения бравого лейтенанта Фихтера

В результате стычки с Вульфом лейтенант Фихтер упустил зазорных курсисток. А жаль! – ибо, как он успел заметить, из-под платья одной из них мелькнул краешек белого чулка, а именно к такого цвета чулкам бравый лейтенант испытывал особую слабость. Вздохнув и, разумеется, выругавшись, Стефан решил, что теперь не остается ничего другого, как отправиться к дяде, тем более что сегодня истекали три дня, которые тот взял на размышление о судьбе своего племянника. Выйдя из здания университета, лейтенант нанял фиакр и назвал адрес – улица Флорианц.

Весело поглядывая на гулявших по улицам дам и красиво выдыхая дым дорогой папиросы, Стефан наслаждался чудной майской погодой, собственной элегантностью и тем, что на сегодняшней лекции профессор Фрейд назвал «полнотой жизненных сил». Черт возьми, но бурная игра этих самых «жизненных сил» и называется молодостью, а их полноценное удовлетворение – гедонизмом⁴. Глупо терять время, пока в нас бурлит либидо и имеется стремление к удовольствиям,

⁴ Гедонизм – философский принцип нравственности, согласно которому главная цель жизни состоит в получении наслаждения.

глупо отказываться от них во имя кого-то или чего-то другого. Альтруизм – это удел стариков, уже неспособных наслаждаться жизнью, но имеющих благородство наслаждаться зрелищем того, как это делают другие. Природа мудра, а потому надо вести себя так, чтобы не противоречить ее законам. Если в молодости жить для себя, а в старости – для других, то это и будет то самое идеальное сочетание гедонизма и альтруизма, о котором издавна спорят моралисты.

Придя к столь «мудрому» выводу, лейтенант немедленно вывел из него необходимое следствие – значит, его почтенный дядя из одного только альтруизма обязан помочь своему молодому племяннику.

Лихо подкатив к подъезду старинного особняка восемнадцатого века, Фихтер спрыгнул на тротуар и полез в карман за деньгами. Расплачиваясь с извозчиком, он случайноглянул вдоль улицы и замер. Высокий седовласый джентльмен в сером костюме, серой шляпе и с тростью в руке быстро удалялся в сторону ратуши, время от времени оглядываясь по сторонам, словно высматривая свободный фиакр. Лейтенант видел джентльмена только со спины, однако и этого вполне хватило, чтобы заподозрить неладное: спина незнакомца была совершенно прямой, а походка – твердой, если не сказать чеканной. Несомненно, это был переодетый военный, и притом не кто иной, как полковник Фихтер!

– Что за черт! – недоуменно пробормотал лейтенант. – Или я ошибаюсь, или... Стой, дубина, и подожди меня пять

минут! – грубо приказал он начавшему выказывать нетерпение извозчику.

Сунув деньги обратно в карман, он быстро взбежал по мраморным ступенькам парадного и нетерпеливо постучал в дверь тяжелым медным кольцом. В то время в моду входили электрические звонки, но полковник Фихтер считал их «дамской игрушкой».

Фердль открыл почти сразу.

– Где дядя? – тут же спросил лейтенант, стоя на пороге и вперив пристальный взгляд в старого швейцара.

– Господина полковника нет дома...

– Давно он ушел?

И тут Фердль вдруг отвел глаза и забормотал, что это было еще рано утром, когда «господина полковника вызвали по телефону в Генеральный штаб».

– Врешь! – уверенно заявил лейтенант и тут же добавил: – Ну и черт с тобой!

Он быстро вернулся к своему фиакру и поспешно забрался внутрь.

– Следуй вон за тем господином, – приказал он извозчику, но тут, поискав глазами, вдруг заметил, что дядя исчез.

Улица Флорианц была прямой и широкой, а в полдень и весьма оживленной, так что полковник мог легко затеряться или среди прохожих, или зайдя в какое-нибудь кафе, не говоря уже о магазинах. Но вряд ли начальник контрразведки выйдет из дома в штатской одежде лишь для того, чтобы

неузнанным посидеть в кафе или посетить магазин! Наверняка он уже нанял фиакр... но какой именно? Впереди были видны два экипажа, не считая автомобиля и открытой коляски с откидным верхом, в которой находились две дамы.

– Трогай! – приказал Фихтер.

– Куда?

– Вперед, за ближайшим фиакром!

Карета рванулась с места и покатила в сторону площади Радецкого, на которой стоял конный памятник знаменитому маршалу. Фихтер, высунувшись из окна, увлеченно следил за обоими преследуемыми фиакрами, в пылу погони забыв задать себе очень простой вопрос: а зачем он, собственно, это делает? Мало ли какие дела могут быть у его дяди, и он вряд ли обрадуется, если узнает, что племянник следует за ним по пятам.

На площади Радецкого фиакры разделились: один направился по улице Грабен в сторону Восточного вокзала, второй – в направлении острова Пратер.

Возница придержал лошадей, а лейтенант лихорадочно соображал. Если дядя действительно находится в одном из этих фиакров, то куда, черт подери, он мог направляться? Решив, что вокзал является более «военным» объектом, чем любимое место увеселения всей Вены, лейтенант приказал свернуть на улицу Грабен. Теперь фиакры ехали друг за другом, и Фихтеру оставалось лишь надеяться на то, что он не ошибся.

Ему повезло – когда фиакр остановился на площади перед вокзалом, лейтенант с радостью увидел, как из него выходит тот самый господин. Расплачиваясь с извозчиком, он впервые повернулся лицом к Стефану – и это оказалось настолько удивительным зрелищем, что лейтенант, непроизвольно откинувшись в глубь собственной кареты, изумленно присвистнул. Котелок незнакомца оказался низко надвинут на лоб, глаза скрывали темные очки, однако в этом еще не было ничего странного. Лейтенанта поразило другое – господин не носил ни усов, ни бакенбардов! Значит, это не дядя, ибо полковник Фихтер никогда и ни при каких обстоятельствах не расстался бы с собственной, и весьма пышной, растительностью.

О черт, значит, Фердль говорил правду! Разочарованный Стефан уже хотел было приказать своему извозчику ехать обратно, но тут услышал звонкий голос уличного мальчишки – разносчика газет:

– Покупайте «Нойе фрайе прессе»! Самые свежие новости из жизни императорского двора и нашей доблестной армии! Скоро начнутся маневры в Боснии!

– Эй, малый, иди сюда!

Лейтенант не видел того, кто окликнул мальчишку, но мгновенно узнал голос – это был голос полковника Фихтера. Украдкой выглянув в окно фиакра, Стефан увидел, как бритый незнакомец покупает газету. Что за черт – так дядя это или нет?

И тут он допустил ошибку – в спешке расплатившись, выскочил из фиакра раньше, чем полковник вошел в здание вокзала. Лейтенант слишком поздно сообразил, что, стоя на площади в яркой гусарской форме, трудно остаться незамеченным. Тем не менее он прижал саблю к боку и бегом бросился к вокзалу. Перед самым входом в голове вдруг мелькнула новая мысль, и Стефан остановился. Обернувшись назад, он поманил мальчишку – разносчика газет. Тот радостно устремился к лейтенанту.

– Нет, мне не нужна газета, – осадил его Фихтер, – но ты получишь две кроны, если выполнишь мое поручение.

– Разумеется, получу... то есть, я хотел сказать, разумеется, выполню... – запыхавшись, затараторил этот белобрысый мальчуган не старше тринадцати лет.

– Вот тебе деньги, купишь мне билет, а я подожду тебя перед выходом на платформу.

– Куда изволите ехать, господин лейтенант?

– Туда же, куда поедет тот господин, который минуту назад купил у тебя газету.

Мальчишка оказался смышленным, а потому, не задавая лишних вопросов, прижал пачку газет к груди, выхватил из рук Фихтера деньги и скрылся в здании вокзала. Лейтенант закурил, выждал десять минут, после чего решительно толкнул застекленную дверь. Мальчик не подвел, ожидая его в условленном месте.

– Вот ваш билет, господин лейтенант, – таинственно за-

шептал он, – вы обещали две кроны. . .

– Куда едет тот господин?

– Куда едет – не знаю, но билет он взял до Линца. Первый класс, вагон для курящих.

– Он уже прошел на платформу?

– Да, господин лейтенант.

– И ты видел, в какой вагон?

Мальчишка ткнул пальцем. Стефан вручил ему две кроны и быстро направился к соседнему вагону, тем более что платформу уже оглашали пронзительные свистки кондуктора.

Выбрав место так, чтобы иметь возможность видеть пассажиров, которые будут выходить из предыдущего вагона, лейтенант облегченно вздохнул. И лишь когда поезд тронулся и за стеклами поплыли привокзальные строения, Стефан призадумался о том, что может означать все это странное приключение. Зачем он преследует дядю и что ему скажет, если они вдруг столкнутся нос к носу? Возможно, это всего лишь любовная интрижка с той неизвестной дамой, которая находилась в доме полковника во время недавнего визита Стефана, – ну и какое ему до этого дело? Впрочем, подобный вариант наименее вероятен – Фихтер не мог представить себе, чтобы его дядя влюбился до такой степени. Да и зачем сбривать усы и бакенбарды, отправляясь на свидание с возлюбленной, если до этого он уже принимал ее у себя дома?

А вдруг его дядя – масон? Недаром же он читал ему вы-

держки из книги «Тайные общества». Что-то там об ассасинах...

Размышляя над всеми этими вопросами и краем уха прислушиваясь к неторопливой болтовне попутчиков, лейтенант едва не задремал, когда поезд совершил свою первую остановку – в Кальтенбрюндльберге. Это был типичный австрийский городок из числа тех, чье население не превышало десяти тысяч жителей, – живописное местечко, аккуратно выбеленные двухэтажные дома под красными черепичными крышами да готический шпиль местной церкви.

Как только поезд остановился, лейтенант приник к окну, внимательно осматривая всех, проходивших по перрону. И надо же было так случиться, чтобы он встретился взглядом с тем самым господином, которого упорно преследовал, приняв его за своего дядю! Стефан мгновенно отвернулся, а затем вскочил с места и бросился к выходу из вагона. Выскакивать на перрон ему пришлось уже на ходу – стоянка поезда была всего две минуты.

Первым делом он осмотрелся. Прямо перед ним находилось одинокое станционное строение, и по обе стороны от него небольшая буковая роща, за которой начиналась дорога в верхнюю часть городка. Чтобы попасть в нижнюю часть, надо было пересечь железнодорожное полотно. Обогнав двух почтенных бюргеров, лейтенант поспешил к стоянке фиакров, видневшейся сквозь листву деревьев.

Стоило Фихтеру пробежать тропинку и выскочить на

небольшую площадь, как один из фиакров вдруг резво тронулся с места и покатил вверх по дороге. Лейтенант поспешно вскочил в свободную карету, возле которой прохаживался молодой розовощекий возница.

– Вперед, за тем фиакром, – скомандовал он, и возница радостно кивнул головой, мгновенно взлетев на козлы.

И вновь началась погоня, но на этот раз лейтенант был спокоен – в этом городке имелась всего одна главная улица, и упустить преследуемого господина было практически невозможно.

Не прошло и пятнадцати минут, как первый фиакр остановился у местного кафе, носившего длинное название – «Приют одинокого странника». Лейтенант приказал своему вознице остановиться чуть поодаль, после чего стал ждать, пока пассажир преследуемого фиакра не выйдет на улицу.

Однако никто и не думал появляться. Более того, пожилой усатый возница лениво слез с козел, привязал лошадей и решительно направился в кафе.

– Эй, ты, – лейтенант обращался к собственному вознице. – Ты знаешь извозчика, которому принадлежит тот фиакр?

– Кто же не знает дядюшку Штихеля!

– Ну тогда быстро зайди в кафе...

– А что мне там делать?

– Спроси этого чертового дядюшку, куда подевался его седок, которого он привез со станции.

Парень недоуменно пожал плечами, но послушно направился к «Приюту одинокого странника». Пока он был в кафе, лейтенант нетерпеливо курил и постукивал ножнами сабли по кончику своего лакированного сапога. Наконец его возница вернулся.

– Ну что?

– Дядюшка Штихель говорит, что никого не привез.

– То есть как – не привез? – опешил Стефан. – Ты что мелешь?

– Да вот так-таки никого и не привез! – упрямо повторил возница.

– А что же он тогда мчался как угорелый?

– Его попросил об этом пожилой господин, который сошел с поезда. Езжай, говорит, к ближайшему кафе и пропусти там стаканчик за мое здоровье! Да еще щедро заплатил за это. Эх, мне бы таких седоков, да побольше, не в обиду вам будет сказано!

Фихтер оцепенел, имея при этом самый глупый вид. Вот так дядюшка! – провел его, как последнего мальчишку. Ай да начальник контрразведки!

– Так что, господин лейтенант, куда поедем-то?

– А? Возвращайся обратно на станцию.

Лейтенант Фихтер был откровенно зол. Бесцельная погоня, закончившаяся идиотским положением, любого может вывести из себя! Впрочем, упрекать в этом некого...

И все же он не зря оказался в Кальтенбрюндльберге! Лей-

тенант понял это, когда вошел на станцию и вдруг увидел в зале ожидания Эмилию Лукач. Меньше всего на свете он ожидал встретить здесь красивую венгерскую певицу, о которой помнил с того самого дня, когда она улизнула из театра под руку с русским. Однако и на этот раз лейтенанта ждало разочарование – она была не одна. Но что это за рыхлый толстяк с мохнатыми бровями, похожий на рассерженного шмеля, и по какому праву эта жирная скотина разговаривает с дамой таким повелительным тоном?

Оставаясь немного поодаль, лейтенант учтиво склонил голову, но фрейлейн Лукач, судя по всему, была настолько обозлена беседой со своим спутником, что не заметила Фихтера. Разговор велся на повышенных тонах, но оба говорили по-венгерски, а Стефан знал этот язык очень слабо, поскольку в свое время предпочитал изучать французский и английский, на которых мог изъясняться достаточно свободно. Впрочем, и без знания языка можно было предположить содержание разговора – дама то ли упрекала, то ли пыталась избавиться от своего кавалера.

Решив, что наблюдать за ними в упор будет не слишком учтиво, лейтенант решил присесть на деревянную, скамью, с которой тут же вскочили, отдав ему честь, два молоденьких пехотинца. Но не успел он отвернуться, как раздался звук громкой пощечины. С фрейлейн Лукач явно началась истерика: вся в слезах, она хлестала по щекам опешившего толстяка, приговаривая одну и ту же фразу, которую Фихтер

ухитрился понять:

– Негодяй, это сделал ты, ты, ты!

– Заткнись, идиотка! – вдруг заорал собеседник и, перехватив ее руку, вывернул и сжал ее с такой силой, что Эмилия вскрикнула.

Лейтенант был тут как тут. Не теряя время на лишние разговоры, он смачно ударил толстяка кулаком в ухо, после чего схватил его за шиворот и встряхнул так, что с того слетела шляпа, обнажив потную лысину.

– Как ты смеешь так обращаться с дамой? – свирепо рявкнул он, чувствуя себя в своей стихии.

– С дамой? – изумленно-испуганно переспросил толстяк и тут же рассвирепел: – Да эта... – лейтенант не знал этого венгерского слова, но догадаться о его значении было несложно, – не имеет права называться дамой! Отпустите же меня, какого черта!

– Он вас оскорбил, фрейлейн Лукач? – учтиво осведомился Фихтер, в глубине души блаженствуя от собственной роли – благородного избавителя прекрасной дамы. Глядя на заплаканную красавицу, уткнувшуюся в кружевной платочек, он уже мысленно мечтал о том, как сурово накажет гнусного толстяка и как восхитительно будет вознагражден за своевременное вмешательство...

– Полиция! Полиция! – рванувшись из его рук, вдруг завопил толстяк, а через секунду его крики заглушил гудок приближавшегося поезда.

Эффектная сцена оказалась безнадежно смазанной – откуда ни возьмись появилась целая толпа пассажиров, устремившаяся на перрон и обтекавшая Фихтера и толстяка с обеих сторон. Последний начал так яростно вырываться, что лейтенанту пришлось усилить хватку. Теперь они напоминали двух школьников, сцепившихся на перемене. Разъяренный этой некрасивой борьбой, лейтенант уже поднял было руку, чтобы отвесить толстяку еще одну затрещину, как вдруг почувствовал, что кто-то находящийся сзади крепко схватил его за запястье.

Удивленный тем, что женская ручка может оказаться такой жесткой, лейтенант глянул через плечо, но вместо фрейлейн Лукач увидел усатую рожу жандарма, рядом с которым стоял дежурный по станции. Если бы не разноцветные мундиры, то их можно было бы принять за братьев-близнецов – заросшие пышными усами носы и суровые глаза, одинаковостью выражения напоминавшие форменные пуговицы.

– В чем дело? – осведомился жандарм. – Почему вы избиваете этого господина в общественном месте?

– Да потому, что не успел отвести его подальше, – усмехнувшись нелепости вопроса, ответил Фихтер. – Этот господин на моих глазах позволил себе грубо обращаться с дамой...

– Ложь! – немедленно возопил толстяк. – Это не дама, а певичка из захудалого трактира, которую я, импресарио Ласло Фальва, вытащил из Шиофока и привез в Вену, чтобы сде-

лать из нее примадонну!

– Кем бы вы ни были, это не дает вам права обращаться с ней непочтительно!

– А кто вам дал право бить меня в ухо? Я буду жаловаться вашему начальству!

– Извольте. Я – лейтенант лейб-гвардии гусарского полка Стефан Фихтер и всегда готов защитить даму от посягательств столь гнусного типа...

– Если бы вы знали эту, с позволения сказать, даму так, как ее знаю я...

– Что-о-о?

Не выдержав столь откровенного намека, лейтенант начал наливать кровью прямо на глазах, непроизвольно потянувшись к эфесу своей сабли. Жандарм, следивший за ним, снова перехватил его руку, сделав это твердо, но достаточно почтительно. И тут в дело вмешался железнодорожник. Откашлявшись, он произнес только одну фразу, после которой все участники этой сцены замерли в недоумении:

– Кхе-кхе. Простите, господа, но где же та дама, достоинства которой вы изволите столь громко обсуждать?

Фихтер обвел глазами станционное помещение, растерянно пожал плечами и, лишь увидев за окнами отходящий от перрона поезд, нашел ответ на этот вопрос.

Глава 7

«В опереттах не убивают!»

Получив взволнованную записку от Эмилии с просьбой немедленно встретиться, Сергей Вульф тут же собрался и отправился в указанное в записке кафе. Оно находилось на Рингштрассе, неподалеку от здания парламента, и называлось «Амалия». По дороге туда Вульф размышлял о том, стоит ли покупать цветы – с одной стороны, ему предстоит свидание с красивой молодой женщиной, которая ему откровенно нравилась, но с другой, судя по тону записки, это будет деловая встреча, во время которой речь наверняка пойдет о пропавшей подруге. Наконец, решив, что одно другому не мешает, он купил у уличной цветочницы маленький, но изящный букет фиалок.

Фрейлейн Лукач уже ждала его, заняв столик в самом дальнем углу кафе. На ней было жемчужно-серое платье с высоким кружевным воротом и небольшая изящная шляпка-капот, украшенная голубыми лентами. Одна за столиком, с опущенной на глаза вуалью, Эмилия производила такое чарующе-загадочное впечатление, что Вульф, еще не поздоровавшись, ощутил легкое волнение.

– Как хорошо, что вы пришли, – первой заговорила она. – Садитесь, мне надо многое вам рассказать.

Он учтиво, но чуть церемонно поклонился и молча про-

тянул ей букет.

– Вы очень любезны, – нетерпеливо отозвалась Эмилия, – но садитесь же, садитесь.

– Вы что-нибудь хотите? – спросил Вульф, оглядываясь и делая знак кельнеру.

– Нет. Впрочем, кофе.

– Два кофе, пожалуйста.

Наэлектризованная атмосфера свидания, аромат женских духов, таинственный блеск глаз из-под вуали, легкий шелест платья, трепет изящных пальцев, затянутых белой лайковой перчаткой, – все это порождало в нем томительное волнение, теплой волной подступавшее к горлу. «Если это не влюбленность, то что же?» – подумал про себя Вульф.

– Вы, наконец, готовы меня выслушать?

– Разумеется. Появились какие-нибудь известия о вашей подруге?

Этот, казалось бы, нейтральный вопрос вдруг поверг Эмилию в сильное смятение. Она достала из ридикюля платок, приподняла вуаль и хотела было поднести к глазам, но в последний момент словно бы забыла о нем, намертво зажав в руке.

– Берта мертва. – Голос фрейлейн Лукач прозвучал глухо и тихо. – Точнее сказать, убита.

Вульф молчал, лихорадочно соображая, как реагировать на это известие, поскольку выражать сочувствие в случае убийства вряд ли уместно...

– Что же вы молчите?

– Когда вы об этом узнали?

– Вчера. Дело в том, что два дня назад я получила от нее письмо, в котором она просила меня срочно приехать... Там не было никаких объяснений ее исчезновения, Берта лишь писала о том, что совсем запуталась, ее жизни угрожает опасность и она надеется на мою помощь.

– А куда она просила вас приехать?

– В Кальтенбрюндльберг. Это небольшой городок в полчаса езды от Вены.

– И что же дальше?

– Вчера утром я отправилась туда. Гостиница называлась «Майстринг» и находилась в нижней части городка – железная дорога разделяет его на верхнюю и нижнюю часть. Я приехала еще до полудня, поднялась к номеру Берты и постучала. Мне никто не открыл. Тогда я постучала еще раз, после чего решила повернуть дверную ручку. Дверь была не заперта, я вошла в номер... Ох, простите, это было так ужасно.

Эмилия попыталась сделать глоток, но кофейная чашка столь сильно дрожала в ее руке, что Вульф посчитал возможным вмешаться – он аккуратно вынул чашку из тонких пальцев взволнованной женщины и поставил ее обратно на блюдце.

– Сначала я подумала, что Берта просто спит, – она лежала на кровати, лицом к окну. Ставни были опущены, поэтому в комнате было довольно темно. Меня сразу же удивило,

что Берта спит не раздеваясь. Я окликнула ее – она молчала. Во всей ее позе была какая-то неестественная неподвижность... Тогда я подошла к кровати и... Она была задушена собственным чулком! Вы представляете мое состояние?

– Да, конечно, – осторожно отозвался Вульф, опасаясь слез и истерики. В кафе уже было полно народу – то и дело звенел никелированный кассовый аппарат, суетились проворные кельнеры, разнося газеты, кофе и пиво, а четыре торговца, заняв соседний столик, бурно дымили трубками и обсуждали виды на урожай. – Что случилось потом?

– Потом началось самое ужасное. – Эмилия содрогнулась. – Я повернулась к двери, хотела бежать, но тут в коридоре послышались чьи-то шаги. Я испугалась до безумия и попыталась спрятаться. Это можно было сделать только в ванной комнате. Я метнулась туда, закрыла за собой задвижку и замерла, боясь даже дышать. Кто-то вошел... замер... и я услышала сдавленный стон. О, что это был за голос – страшный, невероятный! Стонал мужчина, даже не стонал, а как-то глухо ревел. Я так тряслась, что боялась от волнения потерять сознание. Он походил по комнате, а затем я услышала звук удаляющихся шагов. Выждав еще немного, я открыла задвижку и на цыпочках стала пробираться к двери. В один из моментов я случайно обернулась в сторону Берты... на ее шее уже не было чулка!

– Он забрал его с собой? – увлеченно переспросил Вульф.

– Наверное, но зачем? Я находилась уже совсем рядом с

дверью, когда в коридоре опять... понимаете, на этот раз человек даже не шел, а бежал! Снова спрятаться в ванной у меня просто не было времени... да и ноги подкашивались. Я прижалась к стене так, чтобы, когда откроется дверь, меня не сразу заметили. Знаете, когда дверь стала открываться и я услышала чье-то бурное дыхание, то почувствовала, что еще мгновение – и умру от разрыва сердца!

– Успокойтесь. – И Вульф ласково погладил ее по руке. – Как жаль, что вы не взяли меня с собой!

– Я боялась скомпрометировать Берту.

– Итак, дверь открылась...

– Я стояла вжавшись в стену и даже закрыла глаза от страха. Прошло несколько секунд... или минут... не знаю. Но ничего не произошло – никто так и не появился. Дверь вдруг снова захлопнулась, и человек побежал обратно. Я открыла глаза и увидела у своих ног скомканный клочок бумаги. Ничего не соображая, я машинально подняла его, сунула в ридикюль и после этого наконец вышла в коридор. К моему счастью, там никого не было. Не помню уж, как я выбралась на улицу, – у меня мутилось в глазах, – помню только, что когда я оказалась на площади, то чуть не сбила мольберт художника, который рисовал гостиницу.

– Она настолько живописна?

– Не знаю... в тот момент мне было не до этого. Сначала я побежала в одну сторону, потом опомнилась, взяла фиакр и поехала на станцию. И там вдруг столкнулась с Фаль-

вой! – Эмилия яростно блеснула глазами. – Этот негодяй повел себя невыносимо грубо и стал допрашивать меня, что я здесь делаю. Тут мне в голову закралось ужасное подозрение: а вдруг это он убил Берту? У меня началась истерика, я надавала ему пощечин, откуда-то появился полицейский... но я быстро села в отходивший поезд и поехала обратно в Вену.

– Это все? – осторожно поинтересовался Вульф.

– Да. – Эмилия не стала рассказывать о появлении лейтенанта Фихтера, чисто по-женски решив, что ее поклонникам следует поменьше знать друг о друге.

– А что это был за листок, который вы подобрали?

– Вот он, смотрите сами. Это описание совершенно чудовищной казни.

Вульф осторожно развернул бумагу – это была страница из какой-то книги. На полях ее имелись пометки, а сверху была сделана четкая надпись синими чернилами: «Вольные судьи».

«... Существует легенда, что один из способов предания смерти людей, осужденных „вольными судьями“, состоял в следующем: жертву приводили в подземелье и заставляли целовать гигантскую бронзовую статую Святой Девы. Когда осужденный подходил к статуе и касался ее, она раскрывалась надвое. И внутренность статуи, и ее дверцы были утыканы острыми длинными гвоздями и заостренными клинками, причем на каждой дверце, на высоте человеческой головы, имелось по одному гвоздю, длиннее всех остальных. По-

средством тайного механизма жертва втягивалась внутрь, и дверцы затворялись. При этом самые длинные гвозди выкалывали человеку глаза, а остальные вонзались в тело. Через полминуты пол статуи разверзлся, и несчастный проваливался вниз, где находились шесть больших деревянных валов, расположенных тремя парами, одна под другой. Валы были снабжены острыми клинками, причем расстояние между парой верхних параллельных валов было таково, что человеческое тело попадало как раз между ними. Средняя пара была сдвинута ближе, нижняя – совсем близко. Внизу слышался плеск воды. Изувеченная жертва с выколотыми глазами падала между верхней парой валов, которые разрезали ее своими ножами. Затем кровавое, трепещущее месиво пропускалось через две последующие пары валов. В конце этой чудовищной мясорубки человеческое тело превращалось в мелкие кровавые ошметки, которые падали в протекавший внизу ручей и уносились им прочь...»

Дочитав до конца, Вульф побледнел.

– Какая омерзительная казнь! Но как все это странно выглядит – судя по вашим словам, тот человек не стал заходить в номер, а просто бросил туда этот скомканный листок бумаги. Зачем?

Эмилия пожала плечами.

– Я просила вас о встрече именно потому, что сама ничего не понимаю... Но мне страшно! Не надо возвращать, оставьте этот листок у себя. Одно прикосновение к нему вызывает

у меня приступ тошноты.

– Странно... какая странная история, – задумчиво повторял Вульф, аккуратно складывая листок и убирая в портмоне. – Таинственное исчезновение Берты, ее письмо, таинственный незнакомец... или их было двое? Таинственно подброшенное описание казни... Вся эта таинственность выглядела бы весьма опереточной, если бы не...

– Но в опереттах не убивают! – гневно воскликнула Эмилия.

– Именно это я и хотел сказать, – успокоил ее Вульф. – В любом случае, надо рассказать обо всем комиссару Вондрачеку. Он показался мне умным и порядочным человеком. Вы готовы пойти к нему вместе со мной?

– Да, но...

– Вас что-то сдерживает?

Эмилия кивнула.

– Я бы не хотела рассказывать о своем столкновении с Фальвой.

– Почему? И что еще вас связывает с этим извращенцем?

– Теперь уже практически ничего... – Фрейлейн Лукач глубоко вздохнула и наконец-то подняла вуаль, одарив Вульфа мягким мерцающим взглядом. – Если я смогу рассчитывать на вашу дружескую скромность, то расскажу о своей жизни... конечно, если вы этого хотите.

– Не только хочу, но и прошу вас об этом.

– Ну что ж, тогда слушайте. Я родилась в Капошваре, в

семье владельца небольшого трактира. Мой отец – венгр Ференц Лукач, а мать – еврейка Юдифь Книппершток. Она была дочерью портного, который имел собственную мастерскую по соседству с отцовским трактиром. Моя история не отличается оригинальностью – мы с матерью помогали отцу обслуживать посетителей, а однажды, по просьбе местных крестьян, я исполнила для них несколько венгерских народных песен. Это им так понравилось, что с тех пор я стала регулярно петь в отцовском трактире.

– А потом там случайно оказался Фальва, который услышал ваше пение и пообещал сделать из вас примадонну?

Эмилия улыбнулась.

– Я же предупредила, что в моей истории нет ничего оригинального. Да, он предложил мне поехать с ним в Будапешт, пообещав оплатить пансионат и уроки пения. Мне удалось уговорить отца, и через три месяца я уже жила в Будапеште. Комнату на двоих мы с Бертой снимали в районе Ракошпалота. Вам может показаться странным, но, хотя мы были самыми близкими подругами, я о ней мало что знаю. Она рано осталась без родителей и воспитывалась у дяди, который жил на хуторе под Дебреценом. Потом, когда Берта повзрослела и ей приелась деревенская жизнь, она укатила в город с одним молодым военным. Через какое-то время она его бросила и познакомилась с Фальвой.

– Неужели молодого военного можно променять на старого негодяя? – усомнился Вульф.

– О, вы не знали Берту! – живо откликнулась Эмилия. – А она была не просто красива...

– Вы обе красивы, – не удержался Вульф. – И даже очень красивы...

– Не перебивайте. – Впервые за весь разговор Эмилия усмехнулась. – Так вот, Берта была очень взбалмошной, легкомысленной, но честолубивой. В мечтах она видела себя не иначе как княгиней Эстерхази, владелицей роскошного дворца в центре Вены. Когда она надеялась чего-то добиться, то ничем не смущалась. Берта первой стала любовницей Фальвы, а потом уговорила на это и меня...

Эмилия сделала паузу, и Вульф почувствовал на себе ее изучающий взгляд. Выслушивать подобные вещи было очень непросто, и он непроизвольно сжал правую руку в кулак.

– Вы меня осуждаете? – тут же спросила молодая женщина.

– Нет, я просто вспомнил обстоятельства нашего знакомства и пожалел о том, что отказался выпороть этого негодяя!

– Bravo! – На этот раз Эмилия расхохоталась и даже погладила его кулак своей рукой в тонкой лайковой перчатке. – Вы очень милы.

– А вы неотразимы!

Взволнованная интонация прозвучала как признание. Последовала короткая пауза, пристальный взгляд глаза в глаза и... Сергей не выдержал, первым опустил голову.

– Ну, слушайте дальше, – спохватилась Эмилия. – Надо

отдать должное Фальве – он выполнял свои обещания. Сначала мы с Бертой выступали в кордебалете театра «Вигсинхаз», а три месяца назад Ласло привез нас в Вену.

– Удивительно, – покачал головой Вульф, – за это время я был в «Иоганн Штраус-театре» как минимум три раза, но вас не замечал.

– Здесь нет ничего удивительного, – спокойно сказала Эмилия. – Когда на сцену выходит кордебалет, все внимание мужчин обращается на женские ноги, и в этом отношении вы не исключение. Кроме того, у всех девушек кордебалета застывшее выражение лица – вот такое. – И она состроила очень милую гримаску. – Неестественно радостное. Поэтому ничего странного в том, что мы кажемся одинаковыми. Сначала мы с Бертой жили вместе, а Фальва регулярно нас навещал, потом она подыскала себе любовника и переехала. О том, как я сама попыталась избавиться от Фальвы, вы прекрасно знаете.

– Могу я осмелиться задать вам один очень нескромный вопрос, – отводя глаза, глухо поинтересовался Вульф.

– Попробуйте!

– То, что именно вы заменили фрейлейн Форкаи, как-то связано с вашим... нет, я неправильно выразился... с отношением к вам директора театра или какого-то покровителя... Ну, вы понимаете, что я имею в виду?

– Я могла бы притвориться, что не понимаю ваших намеков, или возмутиться, но вместо этого отвечу откровенно.

Директор театра прекрасный семьянин, и у меня с ним чисто дружеские отношения.

Эмилия говорила медленно, отчетливо отделяя одно слово от другого, но в ее взоре таилось столь явное лукавство, что Вульф не стал доверять или радоваться тому, что услышал. Тем более что ему вдруг кое-что вспомнилось.

– Кстати, а Берта не увлекалась психоанализом?

– Не знаю. – И Эмилия удивленно пожала плечами. – По моему, она вообще не знала, что это такое. Я же вам объяснила, что больше всего ее интересовало положение в обществе и деньги. Кстати, в последний месяц деньги у нее появились, и немалые, поскольку незадолго до своего исчезновения она всерьез говорила мне о том, что собирается уходить из театра. Ой! – И Эмилия чисто по-детски стукнула себя пальцами правой руки по лбу. – Я совсем забыла о том, что мне уже надо быть на репетиции. Нет, нет, провожать меня не стоит...

– А как же наше посещение комиссара Вондрачека? – поднимаясь вслед за ней, поинтересовался Вульф.

Эмилия задумалась, а потом решительно сказала:

– Сходите к нему сами, или давайте отложим это до завтра. С утра я буду дома – вот мой адрес. Заезжайте за мной в полдень, хорошо?

Вульф взял протянутую визитку, кивнул и, склонившись, поцеловал ее руку. Эмилия улыбнулась ему, опустила вуаль и быстро пошла к выходу. Большинство присутствующих

мужчин смотрели ей вслед. Смотрел и Вульф, думая о том, что Берта Тымковец, возможно, до сих пор еще лежит мертвой в номере провинциальной гостиницы, в то время как ее подруга спокойно направляется на репетицию. Красотки ка-
баре...

На следующий день Вульфу не пришлось ехать в полицию, поскольку ровно в десять утра на пороге его номера возник комиссар Вондрачек собственной персоной.

– Вы? – удивился Вульф, пропуская его внутрь. – Признаться, не ожидал увидеть вас у себя, хотя... – Он хотел было добавить: «хотя сам сегодня к вам собирался», но вовремя прикусил язык, решив сначала узнать цель визита.

Комиссар Вондрачек не стал лукавить.

– Вчера Берта Тымковец была найдена мертвой в одном из номеров гостиницы «Майстринг». Это в Кальтенбрюндльберге, неподалеку от Вены, – сразу заявил он, прохаживаясь по комнате и оглядывая ее цепким взором.

– Я знаю, – со вздохом признался Вульф, – Присаживайтесь. Если бы вы не пришли ко мне сами, то через пару часов я бы уже сидел в вашем кабинете.

– Вот как? Ну, тогда рассказывайте.

И Вульф начал пересказывать вчерашний разговор с Эмилией. Комиссар слушал очень внимательно, время от времени совершая такие движения верхней губой, словно пытаясь пошевелить усами. Но поскольку усов не было, движения комиссара производили весьма комичное впечатление, отнюдь

не соответствовавшее серьезности разговора.

– У вас есть письмо фрейлейн Тымковец, в котором она просит свою подругу приехать? – поинтересовался Вондрачек, когда Вульф умолк.

– Нет, оно осталось у фрейлейн Лукач, но зато у меня есть та самая страница из книги, о которой я вам говорил. – И Вульф протянул ее комиссару.

– Великолепно, – не сдержался тот, внимательно осмотрев листок. – Это настолько прекрасная улика, что вы даже представить себе не можете. Впрочем, способ ее появления наводит на некоторые подозрения...

– Вы надеетесь установить хозяина книги? – поинтересовался Вульф.

– Разумеется, и на девяносто процентов уверен в успехе.

– Но каким образом?

– Секрет следствия.

– Ну хорошо, а у вас есть какие-то предположения? – не унимался Вульф. – Это убийство связано с любовной историей?

– Ни одно убийство без нее не обходится, – невозмутимо заметил Вондрачек. – Вопрос лишь в том, что кто-то любит деньги, кто-то женщин, а кто-то просто любит убивать.

– А вам не приходило в голову, что вся эта история имеет какое-то отношение к масонству?

– Масонство? Очень может быть.

– Фрейлейн Лукач говорила, что у ее подруги появились

деньги...

– Что ж, и мотив ограбления тоже не исключен.

Добродушное согласие Вондрачека вывело Вульфа из себя.

– Черт подери, но вы хоть кого-то подозреваете?

– Да, разумеется. Я подозреваю вас в том, что вы очень неравнодушны к фрейлейн Лукач, – лукаво усмехнулся комиссар.

– Ну, в этом отношении вы всегда можете рассчитывать на мое чистосердечное признание, – сердито буркнул Вульф. – А что вы скажете об этом Фальве?

– Фальва? – На этот раз Вондрачек задумался. – Может быть, и Фальва. Но меня в данный момент гораздо больше интересует тот загадочный джентльмен, на которого смерть фрейлейн Тымковец произвела столь глубокое впечатление, что он даже прихватил с собой орудие убийства, сняв чулок с ее шеи. Кто бы это мог быть?

– Но ведь этот господин явился уже после того, как фрейлейн Тымковец была убита!

– Так-то оно так, но ведь он мог совершить убийство и в бессознательном состоянии – в порыве ревности, например. А потом вернулся обратно и ужаснулся тому, что натворил. Что там говорит профессор Фрейд о либидо и бессознательном, а?

Глава 8

Свидетель Гитлер

На следующий день, когда Сергей Вульф за чашкой утреннего кофе раскрыл свежий номер «Нойер винер тагеблат», его внимание сразу же привлекли два необычных рисунка, помещенных на первой странице. Прочитав подписи и заголовки, он подумал о том, что комиссару Вондрачеку повезло, ибо на одном из этих рисунков был изображен тот самый таинственный господин, который, согласно рассказу Эмилии Лукач, сначала стонал над постелью ее мертвой подруги, а затем удалился, прихватив с собой смертоносный чулок.

Все пояснения к рисункам давались в статье, озаглавленной «Загадочная смерть прелестницы из кордебалета». Быстро просмотрев сообщение о том, как труп молодой женщины обнаружила горничная, которая пришла убирать номер, Вульф стал читать более внимательно.

«... Благодаря удачному стечению обстоятельств в день убийства возле гостиницы „Майстринг“ находился молодой венский художник, рисующий открытки на продажу. Установив мольберт напротив входа, он делал карандашные наброски, когда его внимание привлек высокий седовласый господин в темных очках. Он быстро вошел в гостиницу, но не пролетело и пяти минут, как выскочил обратно – причем на этот раз, по словам художника, выглядел крайне взволнован-

ным. Не успел этот господин скрыться из виду, как из гостиницы выбежала не менее взволнованная молодая дама, едва не опрокинувшая мольберт. Художник, узнав в ней одну из модных ныне певиц, чье имя редакция по моральным соображениям вынуждена держать в тайне, заподозрил любовную интригу и тут же, по памяти, набросал портрет седовласого господина.

Через какое-то время в гостинице поднялась суматоха. Тогда художник, прихватив с собой мольберт, вошел внутрь и, узнав об убийстве, попросил позволения подняться в номер. Там он и сделал тот карандашный рисунок фрейлейн Берты Тымковец, который мы воспроизводим рядом с портретом ее предполагаемого убийцы...»

Портрет «седовласого господина» не отличался особой выразительностью, зато труп молодой женщины был нарисован с каким-то пугающим вдохновением: приподнятая и согнутая в колене нога, разметанные по подушке волосы, страдальческое выражение застывших, полуприкрытых глаз, вывернутая кисть левой руки, свешивавшейся с кровати, темная полоса вокруг шеи...

Под обоими рисунками имелась подпись художника: А. Гитлер.

Дочитав до конца, Вульф отложил газету и призадумался. Все, что было изложено в этой статье, совпадало с рассказом Эмилии Лукач, поэтому здесь для него не было никаких откровений, зато имя художника, оказавшегося ценным свиде-

телем, показалось ему знакомым...

Недели две назад, когда они с доктором Сильверстоуном, беседуя о проблемах психоанализа и прогуливаясь по улицам Вены, случайно оказались неподалеку от дворца Евгения Савойского, им довелось стать свидетелями одного скандала.

Молодой художник, лет двадцати пяти, худощавый и бледный, с черными, прямыми, спадающими на лоб волосами и короткими усиками, похожими на черное пятно под носом, расположился со своим мольбертом напротив дворца, рисуя масляными красками открытку с его видом.

Вульф и Сильверстоун, заинтересовавшись его действиями, остановились чуть поодаль. Художник работал быстро, но безо всякого вдохновения, словно занимаясь надоевшей, но необходимой работой.

– Кстати, о вдохновении, – неожиданно заговорил англичанин. – Обратите внимание на то, что до недавнего времени оно считалось божественным даром, посещавшим творца в минуты мистического экстаза. Более того, оно могло служить одним из немногих достоверных доказательств наличия некоей Высшей Силы, которая руководит и направляет действия своих избранников. Но доктор Фрейд дал ему гораздо более прозаическое, я бы даже сказал, атеистическое истолкование. С точки зрения психоанализа вдохновение – это не более чем прорыв бессознательного в сферу осознанного, не требующий вмешательства ничего сверхъестествен-

ного. Не кажется ли вам, что это скучно?

– Что именно?

– А то, что наука, обретая все новые, естественные объяснения загадочных явлений мира и сознания и уменьшая тем самым сферу таинственного, делает нашу жизнь слишком предсказуемой, понятной и... банальной. Согласитесь, что вера в наличие мистической интуиции, с помощью которой художник может непосредственно общаться с Богом, гораздо увлекательнее, чем понимание того, что любая интуиция объяснима из свойств подсознания.

– Но ведь само подсознание остается крайне загадочным! – не согласился Вульф. – Неужели носить тайну в себе кажется вам менее интересным, чем иметь ее где-то перед или над собой?

Сильверстоун не успел ответить, поскольку в этот момент перед дворцом остановились два молодых еврея в черных сюртуках и кипах, которые яростно спорили между собой, не замечая того, что случайно, сами того не желая, загородили обзор художнику.

Тот, что повыше, размахивал какой-то брошюрой, а второй держал руки в карманах и методично качал головой.

– Твой дорогой Герцль постоянно впадал в крайности, – спокойно говорил тот, что пониже. – Только в воображении драматурга может родиться такой невиданный спектакль, как многотысячное шествие всех австрийских евреев к собору Святого Стефана, чтобы добровольно принять массовое

крещение и навсегда покончить с положением отверженного народа. Могу себе представить, с каким упоением он воображал себя во главе этого шествия! Черная борода патриарха, посох в руках, вдохновенный вид – пророк Моисей, да и только!

– Да, именно пророк, и мне удивительно, как ты не понимаешь того факта, что Теодор Герцль был истинным пророком, сумевшим выразить вековые чаяния нашего народа! – горячился высокий. – Согласен, идея массового крещения была не слишком удачной, зато другая идея...

– Другая крайность!

– Называй как хочешь... нашла отклик в миллионах сердец! Ведь это же тысячелетняя мессианская мечта – вернуться на Землю обетованную и создать там свое государство. Мы не смогли ассимилироваться среди других народов, мы не смогли добиться с их стороны терпимого к себе отношения – что ж, и пусть! Мы отправимся в Палестину и там, на своей древней родине, создадим себе отчизну собственными руками!

– А на каком языке мы будем говорить? – усмехнулся собеседник. – Кто из нас знает иврит или идиш? Австрийские евреи говорят на немецком, русские – на русском, французские – на французском... Строительство новой родины обернется строительством Вавилонской башни! Я уж не говорю о том, что среди евреев есть капиталисты и социалисты, богатые и бедные, верующие и атеисты... Ну что ты там

роешься в этом новом Талмуде, что ты хочешь мне доказать?

Последние слова были вызваны тем, что его собеседник принялся лихорадочно листать ту брошюру, которую держал в руках, – это было основополагающее сочинение сиониста Герцля «Еврейское государство».

И тут случилось неожиданное. Вульф и Сильверстоун отчетливо услышали, как художник, прекратив свою работу, прошипел сквозь зубы: «Проклятые жидаы!» – добавив к этому грязное немецкое ругательство.

Эти слова услышали и оба еврея. Тот, что листал книгу, замер, вскинул голову и, гневно сверкая огромными черными глазами, подлетел к художнику.

– Что вы сказали?

– Чем скорее вы уедете в Палестину, тем лучше будет для всех честных немцев, – негромко, но с ненавистью произнес художник. – Проваливайте и не мешайте мне работать!

– Эту грязную мазню вы называете работой?

Художник вспыхнул и вдруг проворно мазнул еврея по лицу кистью, оставив широкую ярко-зеленую полосу краски поперек огромного семитского носа. Сионист не остался в долгу, хлестнув художника по щекам «Еврейским государством».

После этого и кисть, и брошюра полетели на землю, но, прежде чем противники сошлись врукопашную, откуда-то издали донесся полицейский свисток. Оба замерли, обернувшись на быстро приближающегося жандарма.

По просьбе последнего Вульф и Сильверстоун, оказавшиеся рядом, проследовали в участок, чтобы дать свидетельские показания. Именно в процессе разбирательства Вульф и узнал фамилию художника, которая теперь всплыла в его памяти, – Гитлер.

* * *

Лорд Сильверстоун встретил Вульфа на редкость приветливо:

– Рад вас видеть, мой дорогой русский друг. Кофе, виски, токайского, рейнвейна, сигару?

– Благодарю вас, – кивнул Сергей. – Бокал рейнвейна.

Полчаса назад он позвонил из кафе англичанину, и тот пригласил его к себе.

– Как идут дела с вашим эссе о Гейне? – отдав распоряжение слуге, поинтересовался Сильверстоун.

– Неплохо, скоро заканчиваю. – Вульф было стыдно признаться в том, что из-за бурных событий последних дней он практически забросил всю свою литературную работу. – Вы читали сегодняшние газеты?

– Разумеется, читал, – кивнул Сильверстоун, раскуривая сигару. – А какие именно новости вы хотели бы обсудить – политические, культурные, криминальные?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.